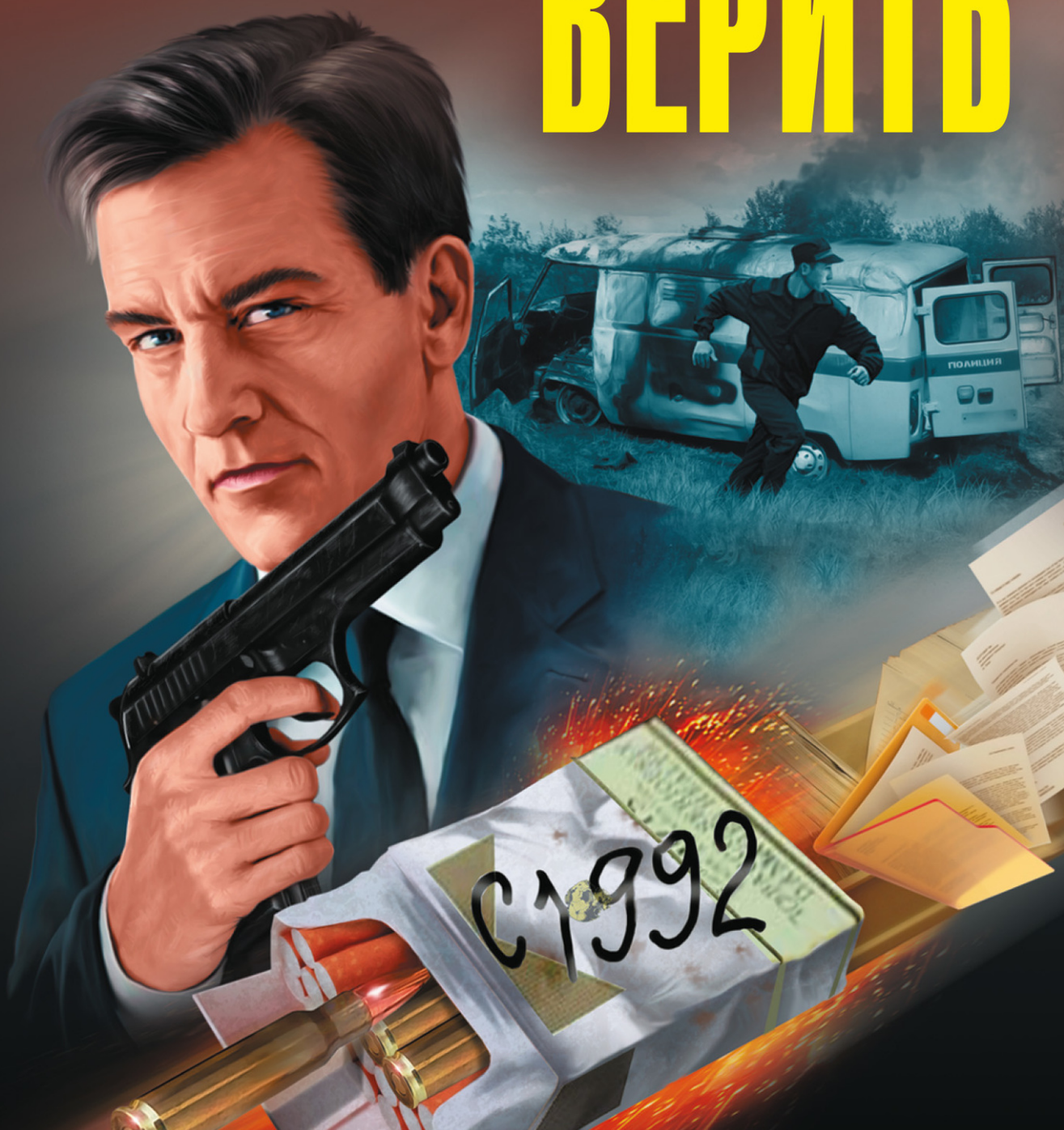

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ПОХИЩЕННОМУ
ВЕРИТЬ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Похищенному верить (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Похищенному верить (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-097045-2

Совершено нападение на конвой, перевозивший опасного преступника по кличке Хамелеон. Охранники убиты, заключенный пропал без вести. Что это – хорошо спланированный побег или дерзкое похищение? Полковники МВД Гуров и Крячко выясняют, что Хамелеон был владельцем уникальной картотеки, в которой хранились досье на самых богатых людей города. Похоже, кому-то понадобился этот архив, чтобы потрясти толстосумов. Гуров понимает, что это неизбежно повлечет новые жертвы, и пытается определить место следующего преступления. И в этот момент приходит подсказка от... самого Хамелеона.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097045-2

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Похищенному верить	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Леонов, Алексей Макеев

Похищенному верить

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Похищенному верить

Глава 1

Автозак въехал на тюремный двор тверского СИЗО ровно в полдень. Со стороны пассажирского сиденья открылась дверь, оттуда выпрыгнул высокий рыжеволосый охранник. Стук тяжелых кирзачей о бетонные плиты тюремного двора гулким эхом отразился от сырой штукатурки, толстым слоем покрывающей кирпичный забор. Ноги по щиколотку утонули в огромной луже. Охранник чертыхнулся, когда фонтан брызг, поднятый кирзачами, ударил по внутренней стороне брезентовой плащ-палатки, и жижа потекла за голенища. Накинув на голову капюшон, он быстрым шагом пересек двор, нырнул под козырек и, стряхнув осевшую на плаще и брючинах влагу, вошел в помещение КПП.

Справа от двери располагалась крохотная, два на два метра, комната дежурного, которую от пропускного тамбура отделяла ячеистая решетка. Сама комната выглядела по-спартански: старый полированный стол, привинченный к стене, два стула, обтянутых линиялым дерматином, странного вида тумбочка и кушетка у стены. На фоне древней мебели современный компьютер выглядел как артефакт.

Дежурный охранник бросил на вошедшего хмурый взгляд. В помещении было прохладно, начала отопительного сезона ждать предстояло больше месяца, а погода в этом году выдалась на редкость холодная. Дождь нескончаемым потоком лил две недели кряду, ртутный столбик уличного термометра не поднимался выше десяти градусов, и, ко всему прочему, холодный северный ветер завывал и днем и ночью. Если учесть, что на перекидном календаре, выставленном на столе дежурного, желтые листы с надписью «Сентябрь» успели перевернуть не больше пяти раз, хмурое выражение лица дежурного было вполне объяснимо.

– Здорово живешь, Талихин, – обстукивая кирзачи о порог, бодро проговорил вошедший. Возле него успела натечь приличная лужица.

– Кончай уже воду лить, Бутунин, – проворчал вместо приветствия дежурный Талихин. – Ты через пять минут свалишь, а мне в этой мокроте еще шесть часов мерзнуть.

– Так куда я ее дену, чудак-человек? Не видишь, что на улице творится? – Бутунин выудил из-за пазухи пластиковую папку, достал документы и сунул их в зарешеченное окошко дежурки. – Заполняй бумаги на выдачу. Чем быстрее справишься, тем быстрее я свалю.

– На кого заявка? – листая бумаги, спросил Талихин.

– Да ничего особенного, – вяло повел плечами Бутунин. – Шаповалова забираем.

– Хамелеона? – заметно оживился Талихин. – Я слышал, его в Москву переводят? Повезло ему.

– Это нам с Думчевым повезло. Легкая работенка. – Бутунин оперся на решетку и, понизив голос, спросил: – А правда, что этот Хамелеон тридцать раз богачей с носом оставлял? Говорят, о нем столько бак по изолятору ходит, за год не переслушать.

– Может, так, а может, и нет, – уловив боковым зрением, как в углу под потолком замигала красная точка, уклонился от ответа Талихин. Поведение его резко изменилось. – Мы здесь не для того посажены, чтобы о чужих преступлениях истории собирать.

– Да почему бы не совместить? Приятное с полезным, так сказать, – хмыкнул Бутунин. – Вот мы с Думчевым истории любим. И реальные, и выдуманные, лишь бы веселые.

– У нас здесь намного строже. Неуставные разговоры не приветствуются. – В голосе Талихина зазвучал такой лед, что Бутунин удивленно взглянул на дежурного. С охранником Талихиным он был знаком почти десять лет, но впервые тот не пожелал поддержать легкий, непринужденный разговор, да еще и про запрет неуставных разговоров речь завел.

– Ты, часом, не заболел? – озабоченно поинтересовался Бутунин. – Или мозг у тебя плесень разъела? От сырости. Чего на людей бросаешься?

Талихин поднялся со стула, как-то странно повернулся спиной и, выставив руку с документами вперед, громко спросил:

– Это ваша подпись? – Потом тихо добавил, так, чтобы услышал только Бутунин: – Камеры, болван. Проверка бдительности «Всевидящее око». – И снова заговорил в полный голос: – Так ваша подпись, товарищ Бутунин?

Бутунин проследил за взглядом дежурного. В дальнем левом углу на камере видеонаблюдения загорелся красный индикатор. Это означало, что идет просмотр в реальном времени – нововведение во внутренней политике изолятора, навязанное сверху. Кто-то из столичных умников решил, что непринужденные отношения между охраной снижают бдительность и приводят к нежелательным последствиям, и теперь работа контрольно-пропускных пунктов фиксировалась не только видеозаписью, но и просмотром и прослушкой коллег их же коллегами.

– Да, это моя подпись, – кивнул Бутунин, тут же переходя на деловой тон.

– Ожидайте снаружи. Проверка бумаг займет какое-то время, – сухо объявил Талихин. – Как только заключенный будет доставлен, я вас извещу.

Тащиться под проливной дождь Бутунину ужасно не хотелось, но правила есть правила. Пришлось шлепать обратно по лужам и пытаться забраться в кабину, не замочив сиденья промокшим плащом. Напарник Бутунина, Владислав Думчев, мирно дремал, откинувшись на спинку кресла. Услышав, как хлопнула дверца, он приоткрыл один глаз, удивленно посмотрел на Бутунина, но промолчал. Видно, решил не тратить драгоценные минуты отдыха на пустой треп. В отличие от напарника Думчев не был любителем поточить лясы. Возраст его приближался к пенсионному, и с годами он все чаще мечтал об одиночестве, предпочитая любым увеселительным мероприятиям тихий вечер в холостяцкой «однушке».

А Бутунин об этом даже не подозревал. Он рассказывал напарнику анекдоты, над которыми тот почти никогда не смеялся, читал вслух заинтересовавшие статьи из Интернета, делился личными новостями, и все это под невозмутимое молчание Думчева. Вот и сейчас, не успев забраться в кабину, он принялся объяснять, почему не остался в дежурке КПП, а вернулся в машину. Думчев поморщился, но традиционно промолчал. Бутунин повозмутился немного и затих. Веки его начали наливать тяжестью. Еще немного, и он окунулся бы в сладкую полудрему, но тут заработала встроенная в приборную панель рация. Дежурный с КПП сообщил, что заключенный доставлен.

На передачу заключенного ушло минут пять. Сотрудники следственного изолятора торопились вернуться в теплое нутро тюремных кабинетов. Никому не хотелось мокнуть под дождем дольше, чем это было необходимо. Поэтому все формальности были улажены в ускоренном темпе, и через тридцать минут после прибытия автозак покинул тюремный двор. В кузове, прямоугольной металлической коробке без единого окна, находился единственный заключенный, вор по кличке Хамелеон.

В тверском СИЗО он пробыл пару недель, и за это время его фигура успела обрасти огромным количеством слухов и сплетен, отчасти правдивых, отчасти надуманных. Кто-то этим слухам верил безоговорочно, кто-то допускал, что правдой может быть ровно половина, но в одном сходились все: Ваня Шаповалов по кличке Хамелеон – нереально везучий сукин сын. Даже то, что две недели назад Хамелеона взяли на краже с поличным, этого мнения не изменило.

В тринадцать часов пополудни тюремный автозак миновал контрольно-пропускной пункт на выезде из города, а еще через полчаса выехал на сто пятое шоссе, ведущее в столицу. Бутунин облегченно вздохнул и, устроившись на сиденье поудобнее, закрыл глаза, намереваясь вздремнуть. Перевозка не представляла сложностей: дорога хорошая, автострада прямая

до самой Москвы, на автозаке займет часа четыре плюс пара часов по Москве до лефортовского СИЗО, где их уже ждали. Сдать Хамелеона охранникам, оформить бумаги на передачу, и можно возвращаться.

Оба охранника, и Бутунин и Думчев, жили в Твери на постоянной основе. Думчев владел ведомственной однокомнатной квартирой, вполне приличной для холостяка, Бутунин с семьей занимал просторный частный дом: сто квадратов на шесть человек. Родственниками Бутунин был богат. Супруга, двое детей, тесть и родная мать. И все жили под одной крышей. Несмотря на то что родственников он безумно любил, тем не менее радовался, когда удавалось напроситься на этапирование по долгому перегону. На этот раз маршрут этапирования долгой отлучки не предполагал, и Бутунин спешил воспользоваться несколькими часами относительного покоя.

Миновали указатель деревни Городня. На этом отрезке с автострады виднелась полоска речного берега. Думчев воду любил, но на этот раз бурая пеннистая водная масса его не вдохновляла. Дождь так и не прекратился. Срывающийся с небес водопад обрушивался на асфальт, на кроны деревьев, на кусты и пожухлую траву. Вода стекалась в один сплошной поток и неслась к реке мутной жижей, попеременно с землей и глиной.

На перегоне от Старого Мелково до Мокшино был мост, но до него автозаку пришлось практически плыть по автостраде. Дорога шла в низине, заболоченная местность разбухла до безобразия, даже асфальтовое покрытие неестественно вздулось. Думчев снизил скорость до шестидесяти, потом до сорока, но подозревал, что и это не предел. До моста кое-как добрались. Почти ошупью, под проливным дождем, заливающим лобовое стекло, доехали до середины моста, и тут впереди что-то загромыхало.

– Что за черт? – выкрикнул Думчев и резко ударил по тормозам. Машину повело в сторону, и он впелся в руль, пытаясь удержать машину на дороге.

– Эй, полегче! – заворчал Бутунин, ударившись головой о стойку. – У меня башка не казенная.

– Не ворчи! – оборвал его Думчев. – Надевай плащ, нужно посмотреть, что там впереди.

– В каком смысле? – не понял Бутунин, голова спросонья работать отказывалась. – Ты что, заблудился? Снова сократить решил? Ну, даешь! И как только тебя до сих пор из конвоя не выперли? Ведь есть же четкие инструкции: при этапировании одного или нескольких заключенных менять маршрут категорически запрещается. Так нет, каждый раз одно и то же. Что тебе на этот раз не понравилось? Мост слишком узок или асфальт не так положен?

– Вперед посмотри, – пропустив мимо ушей тираду Бутунина, проговорил Думчев. – Видишь, что творится?

Тот бросил быстрый взгляд в лобовое стекло и уже не смог его отвести. Часть моста заволкло плотным черным дымом, настолько плотным и густым, что даже проливной дождь с ним не справлялся.

– Вот черт! – чертыхнулся Бутунин. – Это что еще за хрень?

– Похоже, произошел взрыв или случилось что-то, что по звуку напоминает взрыв. Может быть, там авария, а может, и нет. Но проверить нужно, из-за дыма мы не можем двигаться.

– Стоять здесь тоже не самая гениальная идея, все-таки у нас арестант в кузове, – заметил Бутунин.

– Вот и не стой. Пошевеливайся, Бутунин, пошевеливайся!

– Да почему снова я? – возмутился охранник.

– Да потому, что я за рулем, – вспылил Думчев. – Иди, тебе говорят! И давай не задерживайся там.

– Ладно, ладно, иду.

Это были последние слова, которые охранник Бутунин произнес в своей жизни. Рука его легла на дверную ручку, открывая запорный механизм, но как только защелка вышла из

пазов, дверь вырвало из рук Бутунина, и его самого понесло следом за дверцей. Порыв ветра хлестнул по лицу ледяным веером дождевых струй. Вода попала в глаза, заставив Бутунина зажмуриться. Он закрыл глаза всего на мгновение. На один короткий миг. Как оказалось, этот миг стал роковым и для него, и для его напарника.

Думчев не отрывал взгляда от дымовой завесы, накрывшей мост. Еще до того, как автозак подъехал к мосту, он ощутил какое-то смутное беспокойство, но отнес его на счет дождя, зарядившего две недели назад, конца которому видно не было. Теперь же беспокойство переросло в твердую уверенность, что простым этому перегону уже не быть. Когда со стороны пассажирского сиденья раздались глухие хлопки, мозг безошибочно идентифицировал их как выстрелы.

Защитный рефлекс сработал мгновенно: Думчев пригнулся и одновременно протянул руку к оружию. Автомат, небрежно засунутый между спинками сидений, зацепился за рычаг. Думчев дернул повторно. «Не может быть, чтобы все так закончилось! – Мысли неслись галопом. – Не может быть, чтобы это был последний перегон. Без паники, у тебя оружие, а это значит, что не все потеряно».

Автомат не поддавался. Думчев все тянул и тянул, а снаружи не доносилось ни звука. «Почему они молчат? Почему не пытаются убить меня? Или я все выдумал? Выстрелов не было, Бутунину ничто не грозит, и сейчас он вернется в машину с новостями. С хорошими новостями». Но Думчев и сам в это не верил. То, что он еще жив, всего лишь случайность, отсрочка неизбежного. Пройдет всего пару минут, и все изменится. «Но эти минуты мои, и я должен ими воспользоваться. – Думчеву удалось освободить ремень автомата, он подтянул к себе оружие и, не сводя глаз с распахнутой двери, начал шарить по обшивке позади себя. – Где эта ручка, черт бы ее побрал! Шевелись, Думчев, шевелись!»

Ухо уловило едва слышное движение за металлической перегородкой, отделяющей салон водителя и кузов арестанта. «Ничего, никуда он не денется. Сначала разберусь с ситуацией, а потом подумаю о нем». Думчев нащупал-таки ручку, обхватил ее рукой и начал медленно поворачивать. Тихий щелчок, и дверь открылась. Не оглядываясь, он начал сползать с сиденья, пока не ощутил под собой твердую землю. Выпрямившись, Думчев потянул на себя автомат и вдруг услышал за спиной ледяной, с едва заметной гнусавинкой, голос:

– А вот это уже лишнее, автомат тебе больше не пригодится.

Думчев отпустил оружие и развернулся. Его глаза встретились с колючим взглядом обладателя гнусавого голоса. «Надо же, совсем...» Додумать мысль он не успел, так как в ту же секунду раздался глухой щелчок, и во лбу охранника возникла аккуратная дырочка. Тонкая струйка крови потекла к переносице.

– Так-то лучше, – произнес гнусавый. – А теперь переходим к главному.

Старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска полковник Лев Иванович Гуров сидел в своем кабинете на Петровке и откровенно скучал. Нет, не просто скучал, он буквально изнемогал от скуки. Сейчас Лев с радостью занялся бы даже рутинной бумажной волокитой, но и эта деятельность была ему недоступна. Последний отчет по текущим делам он составил и сдал два дня назад, а новой работы за этот период не появилось.

Казалось, город затих, и преступная жизнь в нем замерла на веки вечные. Ни громких заказных убийств, ни трупов, найденных в мусорном баке на заднем дворе фешенебельного ресторана, ни маньяков, гонящихся по Москве с опасной бритвой в руках и полосующих невинных граждан. Будто в столице вдруг объявили мораторий на преступления. Сами преступники объявили и неукоснительно его соблюдали.

Гуров полагал, что в этом повинен дождь. Нудный, непрекращающийся поток, льющийся с небес. Нет, полковник не был против мирного существования, он не являлся поклонником жестоких расправ над безоружными горожанами, не приветствовал бандитские разборки. Он вообще не любил преступления. Просто оперативный опыт подсказывал ему, что после такого затишья непременно поднимется буря. Не природный катаклизм, а криминальный. И тогда

волна преступлений захлестнет столицу почище дождевой влаги, что парализует деятельность города вот уже две недели кряду, чего он точно не хотел.

Но надеяться на то, что с желаниями полковника угрозыска станут считаться природа или уголовный элемент, не приходилось. Да что природа! Его родная жена, ведущая актриса московского театра Мария Строева, и та вдруг решила, что слишком часто потакала желаниям мужа, и, вопреки его настойчивым протестам, укатила в Сочи. И ладно бы на гастроли, так нет же, просто «отдохнуть». Нет, против отдыха супруги Гуров тоже не возражал, но почему именно сейчас? Именно тогда, когда у него куча свободного времени, и он вынужден коротать длинные унылые вечера в пустой квартире.

А все эта новая приятельница, Николетта Ордынская, шесть месяцев назад появившаяся в жизни его жены. Она прикатила в столицу из Варшавы, где провела последние восемь лет. Там она работала в каком-то народном театре, довольно популярном среди местного населения, но малоизвестном в других странах. А потом рассорилась с мужем, который по совместительству оказался еще и режиссером этого самого театра, собрав вещички, отбыла на историческую родину и устроилась на работу в театр жены.

Там она как-то сразу пришлась не ко двору. Режиссер, поначалу окрыленный возможностью принять в труппу актрису европейской школы игры, быстро в своем решении разочаровался, но, будучи связан контрактом, вынужден был мириться с бездарной игрой актрисы. Коллеги-мужчины не замечали ее, а женщины не желали с ней знаться. Все, кроме Марии. И дело тут было вовсе не в том, что она оказалась единственным человеком, кому удалось разглядеть скрытые таланты актрисы или понять, что в глубине души Николетта весьма добрый и отзывчивый человек. Просто Николетта оказалась изгоем в труппе, а Мария всегда вставала на сторону несчастных и обездоленных.

Первое время Гуров старался поддерживать стремление жены принять участие в судьбе Николетты. Позволял притаскивать эту взбалмошную особу в свой дом, поить ее подарочным коньяком пятидесятилетней выдержки и отдавать ей на ночь хозяйскую кровать. Мирился с тем, что его супруга часами ведет телефонные беседы с Николеттой, причем в самое неурочное время. Закрывал глаза на частые отлучки супруги. Ведь Николетта нуждалась в поддержке, а его жена просто не могла смириться с тем, что кому-то плохо.

Но когда из дома начали пропадать вещи, Лев забеспокоился. Дорогие сердцу жены безделушки типа фарфорового Купидона, подаренного ей благодарными зрителями, или флакона французских духов, приобретенных по великому благу в самой Франции, стали исчезать из дома с катастрофической быстротой. Разумеется, Николетта их не крада, она просто закатывала печальные глаза, произносила одну из своих коронных фразочек про несчастную жизнь брошенной женщины, лишенной «милых пустячков», и Мария сама отдавала приглянувшуюся вещь.

Гуров пытался поговорить с женой, указать ей на неприятные черты характера новой подруги, но та и слушать не хотела. «Николетта нуждается в друге», – заявляла она, и разговор на этом заканчивался. Тогда Гурову пришлось в категоричной форме отказать притворщице в доме, но все, чего ему удалось этим добиться, стал внезапный отъезд жены и, как следствие, пустая холодная квартира. Это обстоятельство не способствовало поднятию настроения. Никак не способствовало.

В таком состоянии легкой ипохондрии и застал своего друга и соратника полковник Стас Крячко. Он ворвался в кабинет, точно ураган, мокрый и взъерошенный. Сбросил у порога промокший плащ одноразового применения, плюхнулся в кресло и шумно поздоровался:

– Привет отечественному уголовному розыску! Как жизнь холостая? Все хандришь?

– Есть отчего, – недовольно поморщился Лев. – А ты все по столице носишься? Надеешься подцепить хоть какое-то дельце?

– Почему бы и нет? Все лучше, чем просиживать штаны в кабинете и любоваться на твою кислую физиономию, – весело произнес Крячко.

– И как успехи?

– Пока глухо, – ответил Станислав, но голос его при этом звучал так жизнерадостно, что Гуров снова поморщился. – Знаешь, я пришел к выводу, что мы с тобой настолько гениальные сыщики, что искоренили преступность в столице целиком и полностью. Похоже, придется выйти в отставку, иначе московская полиция останется без зарплаты. Кому же захочется отдавать бюджетные деньги задаром?

– Очень смешно, – буркнул Лев в ответ на шуточную тираду друга. – Лучше скажи, чем собираешься заняться? Полагаю, к составлению отчетов ты и не приступал?

– Успеется, – беспечно отмахнулся Крячко. – Я чувствую, скоро начнется заварушка. Может, даже не одна.

– И ты копишь силы, чтобы справиться с наплывом преступлений, – съязвил Гуров.

– Так и есть, приятель, – кивнул Крячко, – так и есть.

– Смотри, не переусердствуй, – начал Гуров, но договорить не успел, так как в этот момент зазвонил телефон внутренней связи.

Он поднял трубку, молча выслушал дежурного и так же молча положил ее на рычаг. Крячко весь подобрался, внимательно наблюдая за выражением лица напарника. На самом деле он не чувствовал ни бодрости, ни веселья и не меньше Гурова мечтал о настоящем деле, но не в привычке Стаса было унывать, потому он и напускал на себя вид эдакого бодрячка. Звонок нес в себе надежду на освобождение от безделья, и он едва сдерживал нетерпение.

– Генерал вызывает, – коротко доложил Гуров.

– Что у него? Дело?

– Пойдем вместе, там и узнаем, – пожал плечами Лев.

Дважды ему повторять не пришлось, Стас сорвался с места и пулей вылетел из кабинета. Секретарша генерала Орлова, начальника уголовного розыска, кивком головы указала на дверь, опуская процедуру доклада. Это могло означать лишь одно: у генерала к полковникам настоящее дело. Дело, не терпящее промедления.

Орлов сидел в кресле и хмуро разглядывал сложенные на столе руки. Полковников он приветствовал сухим кивком головы. Присесть не предложил, поэтому Гуров и Крячко остановились у стола и переминались с ноги на ногу, в ожидании, когда генерал заговорит. А тот сообщать о причине вызова не спешил. Вдоволь налюбовавшись на свои руки, собрал в аккуратную стопку лежащие перед ним бумаги, выдвинул верхний ящик стола, убрал туда стопку, потом передумал и достал бумаги обратно. Потянулся к настольному органайзеру, перевернул листок перекидного календаря, взял в руки карандаш и что-то нацарапал на верхнем листе. Затем вернул на место и карандаш.

– Товарищ генерал, вы нас вызывали? – прервал затянувшееся молчание никогда не отличавшийся терпением Крячко.

– Вызывал, – коротко ответил Орлов, продолжая странные манипуляции с канцелярскими принадлежностями.

– Тогда, может, скажете, для чего мы вам понадобились? Потому что, если дело стоящее, хотелось бы поскорее приступить, а если вам просто скучно стало одному в кабинете, то могли хотя бы присесть предложить. Ноги-то не казенные.

На фамильную речь Станислава генерал ничуть не обиделся. Давняя многолетняя дружба давала полковнику право обращаться к начальнику не по уставу.

– Хочешь присесть – садись, – рассеянно произнес Орлов. – А насчет скуки ты ошибся. Было мне скучно, да тверские ребята постарались, избавили меня от нее, думаю, не на один день.

– В чем там дело? – присаживаясь на свободный стул, спросил Гуров. – Что-то серьезное?

– Серьезное, Лева, – подтвердил Орлов. – Сижу вот и думаю: с чего начать? С того, что четыре звонка от вышестоящего начальства за последние тридцать минут получил, или с того, что два достойных человека внезапно в мир иной отправились? По мне, так последнее важнее, но высокое начальство почему-то в первую очередь не об этом печется, а об арестанте, будь он неладен. И задачу-то ведь как ставят: не преступников, лишивших жизни людей при исполнении, искать, а по следу заключенного ищек запускать. Им, видите ли, поимка беглого преступника куда важнее. А уж если при этом еще и убийцы отыщутся, так совсем хорошо.

– погоди, Петр Николаевич, не спеши, – мягко остановил генерала Гуров. – Так мы со Стасом ничего не пойдем. Давай по порядку, а с приоритетностью после разберемся.

– В этом-то и загвоздка, Лева. Поди разберись, где тут начало, – вздохнул Орлов, – на сто пятом шоссе, где произошел инцидент, в тверском изоляторе, откуда автозак выехал, или же в обворованных частных владениях, из-за которых шумиха в верхах идет?

– Ладно, тогда коротко об инциденте, – предложил Лев. – Так легче будет разобраться.

– Коротко? Будет тебе коротко, – внезапно согласился Орлов. – Сегодня из тверского СИЗО в Москву этапирован вор по кличке Хамелеон. На перегоне сто пятого шоссе на автозак совершено нападение. Двое охранников убиты, заключенный сбежал. Вот тебе короткая версия, Лева.

– Хамелеон? – Крячко аж со стула вскочил. – Тот самый Хамелеон? Ни хрена себе, дельце!

– Радость-то поубавь, – осадил его генерал. – Двое охранников убиты, радоваться тут нечему.

– Да я и не радуюсь, – снова опустился на стул Стас, – скорее удивляюсь. Это ж надо так облажаться! Его ведь не один год половина ментов московских ловили, а когда поймали, удержать не смогли. Чую, полетят чьи-то головы.

– Твоя башка в первую очередь полетит, если ты его не отыщешь и в «Лефортово» не доставишь, – сердито проговорил Орлов.

– А я-то тут с какого боку? – возмутился Крячко. – Не мне же его этапировать доверили.

– Зато поимку доверят именно тебе. – Орлов снова вздохнул. – Вот и думай теперь, где тут начало.

– Хамелеон вроде не по «мокрому» делу, – задумчиво произнес Гуров. – Или я ошибаюсь?

– Был не по «мокрому», да и в команде никогда не играл, если ты понимаешь, о чем я. Но ведь кто-то его побег устроил, и «мокрухой» не погнушался.

– Кто сообщил о происшествии?

– Случайный водитель. Ехал по тому же шоссе из Твери в Москву и обнаружил их на дороге. Автозак, а возле него два тела. Вызвал полицию. Из Твери опергруппа выехала, о случившемся наверх доложили, а те мне позвонили. Дело Хамелеона на особом контроле в верхах. Короче, дали понять, что Хамелеона нужно найти как можно скорее. Я тут кое-какие материалы для вас собрал. Ознакомьтесь по дороге.

– Мы едем в Тверь? – догадался Крячко.

– Сперва на место происшествия, затем в СИЗО, там вас уже адвокат Хамелеона поджидает, – сообщил Орлов. – С адвокатом поаккуратнее, он тот еще лис. Лишнее слово скажете, потом проблем не оберетесь.

Глава 2

Чтобы не терять мобильности, к месту происшествия выехали двумя машинами. Следом за автомобилем Гурова шел микроавтобус с опергруппой и криминалистами. Генерал Орлов решил, что будет лучше, если все необходимые экспертизы проведут свои люди. Гурову и Крячко это было только на руку, так как в этом случае все результаты попадут напрямую к ним, и не нужно будет ждать очереди и подгонять тверских специалистов. За рулем сидел Гуров, поэтому папкой с материалами по делу Хамелеона распорядился Крячко.

Расшнуровав тесемки картонной папки, Станислав открыл первый лист и принялся внимательно изучать снимок. С фото, подшитого к личному делу, на него смотрел Иван Шаповалов, в оперативных кругах более известный как вор-аферист Хамелеон. На снимке он выглядел угрюмым пятидесятилетним мужиком с кустистыми бровями, нависающими над ввалившимися глазницами. Впалые щеки, стеклянные, ничего не выражающие глаза, волосы, стриженные под машинку, и огромный нос, выпирающий вперед как огромная слива. Дав возможность напарнику полюбоваться на снимок, Крячко начал листать бумаги и вслух вычитывать основные факты, касающиеся криминальной деятельности Хамелеона.

В записях следователя из Твери фигурировали данные не только по делу, за которое Хамелеон угодил в СИЗО. Следователь скрупулезно подшил к делу каждый из двадцати восьми эпизодов, инкриминируемых подследственному. Список впечатлял не столько количеством награбленного, сколько уникальностью украденного и подборкой фамилий пострадавших. Кого только в этом списке не было: адвокаты, фамилии которых ассоциировались с громкими делами, бизнесмены, чье состояние измерялось не одной сотней миллиардов, причем в долларах, литературный и театральный бомонд, антиквары высокого полета, дипломаты, политики и даже один целитель, в последнее время набирающий в столице популярность.

Перечень пропавших раритетов мог составить серьезную конкуренцию экспонатам Лувра, а список пострадавших будто бы слизали со страниц популярного американского журнала «Форбс», с той лишь разницей, что в этом списке значились исключительно российские граждане.

– Теперь понятно, почему высокое начальство копытом бьет, – проговорил Стас, дочитав список. – Сюда бы еще главного прокурора страны добавить, и Хамелеону «светила» бы высшая мера.

– Еще бы, – кивнул Лев. – А учитывая, что ни один из экспонатов так и не был найден, и единственный, кто может навести на след украденного, ускользнул, с нас живьем шкуру сдерут, если не удастся найти Шаповалова.

– Хреново дело, товарищ полковник, – вздохнул Крячко. – Хамелеону несколько лет удавалось ускользать от правоохранительных органов, неужели ты думаешь, что нам повезет больше?

– Вариантов-то все равно нет, – пожал плечами Гуров. – Либо мы его находим, либо наши погоны можно складывать в баночку и закатывать жестяной крышкой.

– Прекрасные перспективы!

– Не паникуй раньше времени, – подбодрил Лев напарника. – Давай читай про нападение.

– А тут про нападение практически ничего нет. Только общие факты. Сто пятое шоссе, на подъезде к Мокшино обнаружен автозак, а рядом два трупа. Оба охранника убиты выстрелом в упор. Других данных нет. И как с этим работать?

– Скоро своими глазами все увидим, – ответил Гуров. – Мы подъезжаем к месту преступления, уже заградительная лента видна.

Крячко оторвал взгляд от папки и посмотрел в лобовое стекло. Впереди светились полицейские мигалки, а рядом с машиной маячили полицейские. Они что-то шумно обсуждали, яростно жестикулируя.

– Похоже, тверские парни чересчур перевозбудились, – усмехнулся он. – Ишь, как руками машут.

Гуров не ответил. Он подогнал машину к стоящему на обочине автозаку, заглушил двигатель и вышел. Их прибытие заметили, от возбужденной толпы отделился долговязый мужчина лет тридцати пяти в смешном плаще из цветастой клеенки и направился напрямиком к полковнику.

– Вы из Москвы? – протягивая руку для рукопожатия, задал он риторический вопрос. – Майор Столбенников. Кто из вас полковник Гуров?

– Я – Гуров, – пожимая руку, представился Лев. – Это мой напарник, полковник Крячко. Что тут у вас?

– Кроме трупов и пустого автозака? Да практически ничего. Водища льет как из ведра, все следы смыло.

– Да, с погодой нападавшим повезло, – вступил в разговор Крячко. – Ваши криминалисты отпечатки пальцев уже сняли?

– С чего их снимать? – досадливо поморщился Столбенников. – С трупов?

– А хоть бы и с трупов, – резко бросил Стас.

– Мы их брезентом накрыли, – поняв, что панибратствовать полковники не настроены, официальным тоном доложил Столбенников. – Автозак осмотрели, а трупы не трогали. Приказ сверху – не предпринимать никаких действий до прибытия опергруппы из столицы.

– Ладно, расслабьтесь, майор. Пойдем посмотрим, что имеем, – сменил гнев на милость Крячко и, чтобы разрядить обстановку, добавил: – Симпатичный плащик, майор.

– Уж какой есть, – не принял шутку Столбенников. – Мы два часа кряду тут мокнем. В таких условиях что хочешь на себя напялишь, лишь бы хоть часть одежды сухой сохранить.

Гуров дал знак московским экспертам следовать за ним и направился к автозаку. Тело первого охранника лежало в двух шагах от распахнутой пассажирской дверцы. Он приподнял брезент. Рыжеволосый здоровяк лежал, уткнувшись лицом в землю. Руки раскинуты в стороны, правая нога неестественно подогнута. Пистолет в кобуре, которую он даже расстегнуть не успел. Перевернув тело, Гуров внимательно изучил аккуратное отверстие точно по центру лба. Выстрел в упор убил охранника наповал. Скорее всего, тот и сообразить не успел, что на автозак совершено нападение. Вернув тело в исходное положение, Лев уступил место криминалистам.

Второй охранник лежал возле водительской двери лицом вверх, ладони сжаты в кулаки, глаза открыты. И та же аккуратная дырочка во лбу.

– Это Владислав Думчев, он был за рулем, – прокомментировал Столбенников, следовавший за Гуровым по пятам. – А тот, что со стороны пассажира, Андрей Бутунин. Они лет десять в напарниках ходили. Хорошие ребята, ответственные, и опыта им не занимать. Повесть не могу, что они так глупо попались.

Гуров обошел автозак, остановился возле кузовной двери. Замок был срезан автогеном. Войдя внутрь, он обнаружил кольцо наручников, висевшее на металлической решетке, к которой на время этапирования приковывали заключенных. Соединяющее звено перекушено одним точным движением.

– В кузове могут быть отпечатки пальцев тех, кто совершил нападение, – вслух произнес Лев. – Проверьте это.

Эксперт-криминалист молча кивнул и приступил к работе. Гуров вышел наружу. Стас поджидал его у дверей. Он успел пообщаться с группой Столбенникова и теперь готов был сообщить новости. Их было не так уж много. Впереди на дороге тверские оперативники обна-

ружили некое устройство, напоминающее огромную дымовую шашку кустарного производства. По мнению экспертов, ее взорвали для того, чтобы остановить автозак. От гигантской «дымовухи» мало что осталось, основная часть устройства сгорела дотла в момент взрыва, но криминалисты надеялись, изучив остатки вещества, собранного с дорожного покрытия, определить ее состав.

– Итак, нападавшие устроили взрыв с задымлением. Криминалисты говорят, что дымовой столб должен был быть настолько мощным, чтобы испортить видимость на добрых пятидесяти метрах. Водитель автозака просто не мог не остановиться при виде такого количества дыма. Следы копоти даже дождь смыть не сумел. Представь, как эта штука должна была дымить, – докладывал Крячко. – Автозак остановился, первый охранник вышел и тут же получил пулю в лоб.

– А второй попытался использовать оружие, но не успел. Он открыл дверь и выбрался из кабины, но там его уже поджидали нападавшие. Один выстрел, и его жизнь закончилась, – продолжил Гуров.

– Вероятно, так все и было, – согласился Станислав. – А затем они срезали замок и выпустили из клетки Хамелеона. Сели в машину и укатили в неизвестном направлении. На все про все у них ушло не больше пяти минут. Сработано чисто.

– Одно непонятно: сто пятая автострада довольно оживленная, – вклинился в разговор Столбенников. – Где были встречные машины? Почему их никто не видел? Почему не сообщили о задымлении и взрыве?

– Дождь, – коротко произнес Крячко, но Столбенников продолжал смотреть на полковника недоумевающим взглядом, и тому пришлось пояснить: – Дождь идет уже полмесяца, а это не способствует увеличению машинопотока. Нападавшие могли делать ставку именно на это.

– Вы думаете? – По тону Столбенникова было понятно, что с мнением полковника он не согласен.

– Вижу, у вас иное мнение, – напрягся Крячко.

– Возможно, им просто повезло, – почувствовав, что обстановка снова накаляется, постарался сгладить резкость слов напарника Лев. – Но особого значения это не имеет. Даже если бы дождя не было, вряд ли проезжающие водители стали бы вступать в разборки на дороге. Тем более в такие, в которых применяется огнестрельное оружие. Да и действовали они быстро. Стас, ты сам сказал, что им понадобилось всего пять минут на то, чтобы нейтрализовать охранников и освободить Хамелеона. Так о чем спорить?

Он не стал развивать тему дальше и пошел к месту, где произошел взрыв, чтобы самому посмотреть на то, что осталось от устройства, заставившего водителя автозака нарушить строение инструкции и остановить автомобиль.

Именно там и собралась основная часть группы майора Столбенникова. Пока приезжие из Москвы осматривали место преступления, они молча наблюдали за столичными визитерами, когда же полковник Гуров поравнялся с группой, те скоренько отошли в сторону. Место взрыва, как и тела погибших, предусмотрительно накрыли брезентом. Брезент лежал точно посередине дороги, прямо на сплошной разделительной полосе. Под пристальными взглядами оперативников Лев приподнял брезент. То, что он там увидел, впечатляло. На асфальте сохранился лишь металлический обод, бывший ранее дном двухсотлитровой бочки. Все остальное выгорело полностью.

– Миленькое собрание, – вполголоса произнес Крячко, имея в виду тверских оперативников.

– Думаю, тебе бы тоже не понравилось, если бы чужаки рыскали по твоей территории и пытались выяснить, где ты облажался, – прошептал в ответ Гуров. – Не обращай на них внимания, просто делай свою работу, и совсем скоро они про тебя забудут.

– Делать свою работу? Это значит шлепать по лужам, заглядывать под брезент и многозначительно хмурить брови? – поддел его Стас.

– Что-то вроде того, – улыбнулся Лев. – Какие есть соображения?

– Пора убираться отсюда. Здесь мы увидели все, что было возможно.

– Я бы остался еще на какое-то время. Только предварительно избавился бы от наблюдателей. Хочу осмотреть придорожные посадки. Где-то ведь нападавшие должны были пересидеть в ожидании появления автозака? По-моему, посадки – самое подходящее место.

– Лева, поимей совесть! – взмолился Крячко. – Лазать по кустам? Только не в проливной дождь! Не лучше ли делегировать это право тверским ребятам? Они все равно без дела тут болтаются. Отдай приказ, ты ведь по званию старше майора Столбенникова. Пусть его парни хоть что-то полезное сделают.

– А если они ничего не найдут?

– Вот если не найдут, тогда вернемся мы и покажем этим молокососам, как работают настоящие асы, – пошутил Стас. – Может, нам повезет, и к тому времени дождь закончится.

– Ладно, пусть будет так. Иди к Столбенникову и отдай распоряжение, – сдался Гуров. – Ты ведь тоже полковник, так что полномочий у тебя не меньше, чем у меня.

Но отправить тверских оперов на осмотр прилегающей к месту преступления территории оказалось не так-то просто. Как только Крячко высказал свое пожелание Столбенникову, выяснилась причина жаркого спора, который наблюдали полковники при подъезде к месту преступления. Оказалось, что майор еще до приезда московских правоохранителей планировал осмотреть окрестные посадки, но опера заупрямились. Каждый высказывал свои аргументы, доказывая, что в кустах им делать нечего. Самыми вескими были ссылки на дождь, который давно уже смыл все следы, даже если таковые имелись, и указания на мостовое ограждение, препятствующее выезду машин из посадок напрямиком на автостраду. Тверские опера все как один сходились на том, что машина нападавших какое-то время стояла на мосту, поджидая автозак. Чего проще, выставить аварийные знаки и делать вид, что возишься с движком. Так зачем же лазать по кустам?

Крячко доводы оперов показались весьма убедительными, и он направился обратно к Гурову. Теперь уже ему предстояло убедить друга, что осмотр посадок ничего не даст. Мостовое ограждение с окончанием моста не заканчивалось, а тянулось вдоль дороги еще на добрых пятьдесят метров. Подогнать машину из кустов в нужный момент было бы весьма затруднительно. Подумав, Лев решил оставить затею с осмотром до лучших времен, тем более что сейчас его волновало совсем другое. Следы от самодельной «дымовухи» и выстрелы точно в центр лба что-то ему напоминали, но он никак не мог сосредоточиться и подумать об этом, поэтому отдал приказ грузить тела погибших охранников в машину судмедэкспертов и отправляться в Тверь.

Новому приказу обрадовались, так как мокнуть под дождем всем изрядно надоело. На месте остались только московские криминалисты, работа которых еще не была завершена. Остальные дружно загружались в машины. За руль автозака сел один из тверских оперов, он же возглавил колонну из четырех машин и бодрым ходом погнал к Твери.

В тверском СИЗО Гурова и Крячко провели напрямиком в кабинет начальника изолятора, полковника Осокина. Тот в кабинете был не один. На добротном стуле, отставленном чуть в сторону от стола, сидел солидного вида мужчина. В модного покроя костюме темно-синего цвета с едва заметной светлой полосой, в отутюженной белоснежной рубашке и в строгом галстуке. Полковник Осокин поздоровался с полковниками и представил мужчину. Им оказался адвокат Ивана Шаповалова, Анатолий Ципиков. Как только с представлением было покончено, Ципиков обратился к Гурову:

– Я хочу сделать официальное заявление, – хорошо поставленным голосом заявил он. – То, что произошло с моим подзащитным, – вопиющий акт халатного отношения сотрудников

тюремного конвоя. Мой подзащитный был передан охранникам на период этапирования, и в означенный период за его жизнь и здоровье отвечали они. А что он получил вместо этого? Попал в перестрелку и оказался похищен неизвестными. Я хочу получить полный доступ к плану розыскных мероприятий, которые вы, как представители правоохранительных органов, обязаны провести в кратчайшие сроки.

– Приберегите пылкие речи для суда, – нахмурился Гуров. – По факту совершенного нападения будет возбуждено уголовное дело, и боюсь, что ваш подопечный в этом деле будет фигурировать не как лицо пострадавшее, а как организатор оно. Так что вам лучше поубавить пыл и настроиться на сотрудничество с полицией.

– Как организатор? Да ведь это бред! – воскликнул Ципиков. – Чего ради моему подзащитному устраивать бойню на дороге? Вижу, вы не успели ознакомиться с его делом.

– Так просветите нас, – предложил Гуров. – Почему вы считаете, что Иван Шаповалов не планировал побег? Лично мне дело видится в ином свете. Ваш подопечный обвиняется в одном ограблении, но подозревается еще в двадцати восьми подобных кражах. Ранее он не судим, в зоне не бывал, с законами зоны не знаком и, скорее всего, познакомиться с ними не жаждет, а в случае, если следователю удалось бы собрать доказательства хотя бы по нескольким эпизодам, а прокурору доказать причастность Шаповалова к этим ограблениям, вашему парню «светил» бы приличный срок.

– Ничего подобного, – перебил его Ципиков. – Мой подзащитный невиновен, пока не доказано обратное.

– Да, да, презумпция невинности, и все такое, – вступил в беседу Крячко. – Извечная песня адвокатов. Только вот факты налицо. В автозаке помимо Шаповалова заключенных не было – это раз. Двое охранников убиты – это два. И три – ваш подопечный на месте происшествия с пулей во лбу не валяется. Где же он тогда, если нападение не его рук дело?

– На этот вопрос придется ответить вам, – сухо проговорил Ципиков. – Не надейтесь, что я оставлю это дело без последствий. Вам придется найти моего подзащитного, установить личности его похитителей и заставить их ответить за содеянное.

– Вы правда думаете, что Шаповалова похитили? – Гурова удивила уверенность, звучащая в голосе адвоката. – Но зачем кому-то похищать его? Это же бессмысленно.

– Этого я знать не могу, но вот что я знаю точно, что мы наверняка выиграли бы предстоящий суд. Тюремный срок моему подзащитному не грозил, оправдательный приговор был у нас в кармане.

– Каким образом? Насколько я знаю, Шаповалова взяли на месте преступления. Так сказать, с поличным, – заметил Стас. – И как же вы собирались опровергнуть этот факт?

– Хотите знать подробности, ознакомьтесь с делом, – заявил Ципиков. – То, что вы называете «взятие с поличным», выглядит несколько иначе, чем в случае с Шаповаловым. Полагаю, местные оперативные работники слишком много детективов читают, вот у них и сложилось мнение, будто они взяли моего подзащитного на месте преступления. На самом же деле он просто находился неподалеку от того места, где было совершено ограбление. Украденных вещей при нем не обнаружили, а сам факт близости нахождения к означенному месту еще не доказывает его причастность.

– Это правда? – Крячко перевел взгляд на начальника изолятора.

– В какой-то степени, – замялся тот. – Технически в момент задержания Шаповалов уже покинул территорию ограбленного особняка, его взяли возле забора, а украденные из особняка ювелирные украшения он успел скинуть в ближайшие кусты, где их и обнаружили оперативники.

Гуров и Крячко переглянулись. Им, как опытным операм, было понятно, что в данных обстоятельствах козыри на руках у адвоката. Преступник успел покинуть место, где совершил ограбление, да еще и награбленное скинул. На косвенных уликах далеко не уедешь.

– «Чистосердечка» была? – уточнил Крячко.

– Вначале, – ответил Осокин. – Это, а также изменение внешности, чтобы проникнуть в дом, послужило поводом к задержанию.

– Он изменил внешность? – переспросил Крячко.

– Разумеется, на то он и Хамелеон, – подтвердил Осокин. – Парни, которые его брали, предложили подписать «чистосердечное», он согласился. А потом с ним адвокат поработал.

– Если вы имеете в виду, подписал ли мой подзащитный бумагу, где чистосердечно признается в совершенном ограблении, то можете быть уверены, она уже аннулирована, – игнорируя заявление начальника СИЗО, заявил Ципиков. – И я не позволю оскорблять честь и достоинство моего клиента нелестными высказываниями в его адрес. В нашей стране каждый гражданин имеет право как угодно изменять внешность, если данный акт не имеет злого умысла.

– И умысла, конечно, не было, – усмехнулся Стас.

– Все это мы могли бы обсудить в суде, но, как видно, вам это невыгодно. Быть может, его исчезновение на руку правоохранительным органам? – внезапно произнес Ципиков. – Быть может, это нападение организовано для того, чтобы не допустить слушания дела Шаповалова в суде?

– Вы на что это намекаете? – вспыхнул полковник Осокин. – Хотите сказать, что это мы организовали нападение на автозак, убили двух лучших конвойных и забрали Хамелеона? Да вы в своем уме?!

– Почему вас так шокирует мое предположение? Ведь вы-то, несколько не стесняясь, обвиняете моего подзащитного в том же самом! – выдал Ципиков.

– Послушайте, так мы далеко не уедем, – прервал зарождающийся скандал Гуров. – Обоюдные обвинения нас никуда не приведут, с этим, надеюсь, все согласны? Вот и хорошо. Господин Ципиков, вам придется на какое-то время покинуть кабинет. Вы потребовали от меня и моего напарника ознакомить вас с планом розыскных мероприятий, так что будьте любезны не мешать нам делать свою работу. Сейчас вы выйдете отсюда и будете ждать своей очереди. Сначала мы побеседуем с начальником следственного изолятора, зададим ему все необходимые вопросы, чтобы выяснить обстоятельства, предшествовавшие нападению. А затем пригласим для беседы вас, и вы сможете обстоятельно представить нам все доводы, доказывающие непричастность вашего клиента к произошедшему инциденту. Надеюсь, возражений не будет?

Ципиков задержался всего на пару секунд, чтобы собрать со стола приготовленные бумаги, после чего безропотно вышел из кабинета. Полковник Осокин проводил его сердитым взглядом, но от комментариев воздержался. Гуров же, заняв стул адвоката, приступил к опросу, и начать решил с задержания Ивана Шаповалова. Отвечал Осокин обстоятельно и четко на поставленный вопрос, что упрощало дело. Гурову не приходилось возвращать его в нужное русло или прерывать неуместные воспоминания.

Две недели назад, ровно в полдень, в дежурную часть поступил звонок. Звонивший сообщил, что в его дом проник вор. Он был сильно взволнован, настолько сильно, что на выяснение его имени и адреса времени у дежурного ушло раза в три больше, чем обычно требуется на обработку подобного вызова, поэтому на задержание опергруппа выехала с опозданием. К тому же оказалось, что речь идет о деревне Прудиче, где не так давно начал зарождаться новый коттеджный поселок. От Твери до него километров десять, но и это лишняя фора преступнику. Затем еще нужный дом пришлось искать, так как опознавательные знаки как таковые на новых домах отсутствовали. Единственным ориентиром служили миниатюрные таблички с номерами участков, торчащие из земли на тонкой металлической ножке.

Все эти факторы привели к тому, что к дому пострадавшего полицейский микроавтобус подъехал с опозданием, как раз в тот момент, когда вор понял, что пора удирать. Шесть человек, включая водителя и начальника опергруппы, видели, как мужчина в странном одеянии,

более похожем на собачью шкуру, перелез через забор и бросился бежать к сосновому бору, расположенному буквально на заднем дворе коттеджа. Опера успели выскочить из машины и помчаться следом. Беглеца они взяли, уворованное из коттеджа нашли в паре шагов, в кустах. Вернулись в коттедж, отыскивали хозяина, и он поведал им начало истории.

В тот день у хозяина коттеджа, известного в определенных кругах оценщика антиквариата Вениамина Кальнобрицкого, должна была состояться встреча. Некий клиент из Твери назначил дату и место, пригласив Кальнобрицкого установить подлинность полотна кисти Бориса Кустодиева. Накануне юбилейного года на основе музейной площадки в Москве планировалась организация грандиозной выставки, посвященной творчеству художника. Клиент предложил организаторам экспозиции картину из фамильной коллекции, но экспертная комиссия, совершенно неожиданно для владельца картины, заявила, что работа является подделкой и потому не может быть выставлена. С мнением музейных экспертов клиент не согласился и решил провести независимую экспертизу, для чего вызвал в Тверь Вениамина.

Установление подлинности картины – процесс длительный. При самом хорошем раскладе Кальнобрицкий должен был отсутствовать часов шесть, не меньше. На это, видимо, и рассчитывал вор, и так бы все и сложилось, если бы не стечение обстоятельств. Накануне дня проверки кустодиевской работы у Вениамина был так называемый «охотничий» день. В такие дни он навещался к мелким скупщикам антиквариата. Иногда эти поездки приносили весьма щедрую добычу, но чаще оказывались пустыми. «На охоту» Вениамин брал свой «малый чемоданчик», где хранил инструменты для проведения ускоренной экспертизы на месте. Второй чемоданчик, именуемый «великим», он брал тогда, когда проводил работу за деньги. Но в этот день у мелких скупщиков он ожидал увидеть нечто уникальное, поэтому переложил часть оборудования из «великого чемоданчика» в «малый». Промашка Вениамина вскрылась только через несколько дней, в самый разгар экспертизы картины Кустодиева, и, чтобы не пасть в глазах клиента, Вениамин поспешил домой, пообещав вернуться со всем необходимым и закончить работу.

А вернувшись домой, Кальнобрицкий увидел, что сигнализация на доме отключена. Сначала он решил, что в спешке забыл включить ее, но, подумав, отмел этот вариант. Тогда он начал обходить дом по кругу, заглядывая в каждое окно, и в одном из оконных проемов увидел, как некое существо поднимается по лестнице внутри его дома. Будучи владельцем немалого количества раритетных и уникальных, а заодно и жутко дорогих вещей, Кальнобрицкий понял, что его грабят. Тогда он тихонько отошел от окна, спрятался за стену хозяйственной постройки и позвонил в полицию.

В тот день фортуна была на стороне антиквара, к Ивану Шаповалову же она повернулась своей не самой приятной стороной. Окажись все нужные инструменты на месте, Хамелеон ушел бы, как и во всех предыдущих случаях. Но... случилось то, что случилось. Кальнобрицкий вернулся, полиция отреагировала как надо, и вор был пойман. Собрав улики и прошерстив дом на предмет отпечатков пальцев, опергруппа препроводила Хамелеона под стражу.

О том, какую крупную рыбу принесло в сети тверским правоохранителям, выяснилось позже. Не успели оперативники порадоваться удаче, как явился адвокат Ципиков и заявил, что гражданин Шаповалов является его клиентом. А дальше все как по нотам: признательные показания аннулировали, свидетелей дискредитировали, улики осмеяли, а Иван Шаповалов из злостных преступников переквалифицировался чуть ли не в жертву полицейского произвола.

Однако высокие столичные чины упускать дарованный шанс не собирались. Спустя две недели пришел приказ: этапировать задержанного Шаповалова в лефортовский изолятор временного содержания. Следователь подготовил бумаги, дежурный оформил передачу, после чего технически Хамелеон тверским операм больше не принадлежал. Но тут случилось нападение, Хамелеон исчез, а начальник следственного изолятора перешел в категорию свидетелей.

Выслушав предысторию, Гуров приступил к выяснению обстоятельств недолгого пребывания Шаповалова в СИЗО. По словам полковника Осокина, за это время Хамелеон ни с кем, кроме адвоката, не общался. Сидел он в камере для подследственных-«первоходов», на прогулки выходил регулярно, от помывки в бане не отказывался, и вообще вел себя вполне адекватно. На подследственных, впервые попавших за решетку, полковник Осокин за время службы успел насмотреться. Оказаться в тюрьме – в любом возрасте испытание не из легких. Кто-то начинает буянить, требовать встречи с адвокатом, а то и с самим Верховным судьей. Кто-то впадает в депрессию, отказывается есть, не желает выходить из камеры на свежий воздух. Кто-то перестает следить за собой, не меняет белье, не чистит зубы и вообще не следит за гигиеной. Некоторые впадают в ступор: сидят или стоят на одном месте, не двигаются, ни на кого не смотрят и не разговаривают.

Но Хамелеон таким не был. Ни намек на депрессию или повышенную агрессивность в его поведении не было. Арест его будто не касался. Он ел, пил, спал, и все это с неизменной доброжелательной улыбкой на губах. Целыми днями он сидел на корточках у стены и складывал фигурки из тетрадных листов, разрешенных к передаче в СИЗО. Если сокамерники задавали ему вопросы, он отвечал вежливо и отвлеченно, сам же к общению не стремился. Но у сокамерников к Хамелеону возник особый интерес. Даже не сидевшие люди хоть раз да слышали о воре-невидимке, отбирающем у богатых их дорогушие «игрушки». Они вспоминали истории, прочитанные в газетах, и приставали к Хамелеону, требуя комментариев. Тем не менее за время пребывания в изоляторе с ним ни один из подследственных не сблизился. В этом полковник Осокин был уверен, как и в том, что Шаповалов ни разу не попытался передать на волю записку своим подельникам. Он вообще не был уверен в том, что у Шаповалова когда-нибудь были подельники. Единственным звеном, связывающим Хамелеона с внешним миром, был его адвокат Анатолий Ципиков, и он утверждал, что его подопечный просто не мог планировать побег.

Подозрение, что кто-то, сочувствующий Шаповалову, мог подкупить охрану, было малоубедительным. Конвойную бригаду выбирал сам полковник Осокин. Характеристики Бутунина и Думчева были сплошь положительными: никаких взысканий, никаких нареканий со стороны начальства, никаких жалоб от заключенных. В день, назначенный для перевозки, Бутунин и Думчев прибыли к положенному времени, передали документы для проверки, забрали заключенного, все строго по инструкции. Передачей заключенного руководил тоже Осокин. Автокзак уехал, а спустя несколько часов дежурный районного отдела полиции принял звонок о происшествии на сто пятой автостраде. Каким образом нападавшим стала известна дата этапирования, Гурову и Крячко еще предстояло выяснить.

Глава 3

Допросы и беседы закончили лишь к десяти вечера. Много времени отняла беседа с адвокатом. На словах Анатолий Ципиков выражал искреннее желание к сотрудничеству, но на деле вертелся, как уж на сковородке, пытаясь убедить Гурова и Крячко в непричастности своего подопечного к происшествию на мосту и не подставить его по предыдущему эпизоду. С его слов действительно выходило, что затевать побег Шаповалову не было никакого резона. Все улики, собранные против него, являлись всего лишь косвенным доказательством. Были случаи, когда обвинение выносило положительный вердикт, опираясь на совокупность косвенных улик, но Ципиков был уверен, что это не тот случай.

По сути, что мог предъявить подзащитному Ципикова прокурор? То, что он находился в поселке Прудиче в тот самый час, когда в дом антиквара проник вор? Но ведь взяли его не в доме, а в лесополосе. Почему бежал? Незнакомая машина резко остановилась на пустынной улице, из салона выскочили парни с автоматами наперевес, любой на месте Шаповалова испугался бы и побежал. Зачем столь странный костюм? Хотел пофоткаться на фоне природы и выложить в соцсети, в определенных кругах это довольно популярно. Почему так далеко ушел от машины, найденной в двухстах метрах от дома Кальнобрицкого? Да потому что гулял, и машина лишь подтверждает версию Шаповалова. А то, что полицейские в один голос утверждают, будто видели, как подзащитный Ципикова перелезл через забор? Так это не более чем инсинуации. Кому-то что-то показалось, а полиции позарез «козел отпущения» понадобился, вот и схватили первого встречного. Вот как Ципиков собирался представить причины задержания в суде.

А что же с уликами? Их-то как раз и не было. В доме отпечатков пальцев Шаповалова не нашли, на украденной коллекции и подавно. Веревоочная лестница, переброшенная через забор, к Шаповалову тоже не привела. Куплена она была явно не за неделю до ограбления, поэтому можно было и не мечтать отыскать продавца, который бы опознал в покупателе Ивана Шаповалова. Украденное успел сбросить. А собачью шкуру, в которую нарядился Хамелеон, к делу, как улику, не подошьешь. И сколько ни пытались полковники Гуров и Крячко вызвать Ципикова на откровенность или спровоцировать к случайному признанию, ничего из этого не вышло.

Распровавшись с адвокатом, Гуров вытребовал у Осокина провести хотя бы короткие встречи с каждым из сокамерников Шаповалова, а Крячко отправился опрашивать друзей и коллег погибших охранников. Но и это пользы не принесло. Ни сокамерники, ни коллеги-охранники подозрений не вызывали. Ровно в двадцать два ноль-ноль московские эксперты прислали отчет, что дало повод Гурову и Крячко уединиться в отведенном им кабинете и тщательно все обдумать.

– Не понимаю, для чего все это Шаповалову? – листая записи опросов, ворчал Стас. – Ведь ясно же, он не из тех, кто устраивает бойню ради достижения цели. Да и в чем тут цель? Что до меня, так я считаю побег несусветной глупостью. Даже страх перед тюрьмой не мог бы меня до такого довести. Может, стоит прислушаться к словам Ципикова?

– Может, и стоит, – согласился Лев.

– Непонятно, чего ради они решили отправить Шаповалова в Москву? Неужели думали, что столичные следователи распорядятся скудными уликами лучше местных? Там и распорядиться-то нечем. Разве что собачьей шкурой, которую он напялил на себя, – вслух рассуждал Станислав. – И зачем она ему понадобилась?

– Чтобы собаки след не взяли, – объяснил Гуров. – Запах псины должен был отбить запах самого Шаповалова, вот и все.

– Он что, заранее побеспокоился о том, что по его следу могут пустить собак? – удивился Крячко.

– В доме мог остаться его запах. А так, даже такая слабая улика, и та отсутствует. Но беспокоит меня не это. Способ нападения на автозак, вот моя забота.

– А что с этим не так?

– Взрыв самодельной дымовой шашки, два одиночных выстрела точно в центр лба, все это не кажется тебе знакомым?

– Я об этом еще не думал, – ответил Крячко. – Но сейчас, когда ты это сказал...

– «Стрелки-инкассаторы», – произнес Гуров.

– «Стрелки-инкассаторы», – в унисон ему высказался Крячко.

На долю секунды в кабинете воцарилось напряженное молчание, а потом Крячко словно прорвало.

– Точно! И как это мне самому в голову не пришло! – возбужденно заговорил он. – Ведь они так и действуют: устанавливают на пути следования инкассаторской машины «ловушку-дымовуху», вынуждают водителя остановить машину и выйти на дорогу, а потом – бац-бац, пара выстрелов в упор, и касса у них в кармане. И автоген, и ножницы по металлу. Все, как под копирку.

– И я о том же, – поддержал его Лев. – Разница лишь в том, что на этот раз их целью оказался тюремный автозак. И это странно.

Речь шла о банде, которую в оперативных сводках называли условным названием «Стрелки-инкассаторы». Банда появилась в Москве всего шесть месяцев назад, но уже успела совершить ряд громких и дерзких преступлений. Они нападали только на инкассаторские автомобили, весьма продуктивно, надо признать. Их ни разу не поймали, а свидетелей они не оставляли.

– Непонятно, зачем им понадобилось освободить Хамелеона? Думаешь, он мог стовориться с ними? Проплатить свое освобождение? – предположил Крячко.

– Тогда это вдвойне глупо, – пожал плечами Лев. – Его дела не были так плохи, чтобы связываться с убийцами.

– Да, но как он мог с ними связаться? Есть только один вариант: адвокат Ципиков служил связующим звеном между Хамелеоном и «Стрелками». Только он мог поспособствовать этому.

– Не думаю, – возразил Гуров. – У меня создалось впечатление, что Ципиков искренне разочарован тем, как повернулось дело. Он мог заработать хорошую славу, добившись оправдательного приговора для Хамелеона. Зачем ему помогать тому с побегом?

– Деньги, друг мой, в таких вопросах дело всегда в деньгах, – заявил Стас. – Что до Шаповалова, он мог просто запаниковать. Одно дело – ждать суда в тверском СИЗО, и совсем другое – попасть в «Лефортово», где власть в руках тех, кто на короткой ноге с высокими чинами. Не забывай, сколько краж он совершил до того, как попался. Ты сам читал список его жертв, впечатляющий списочек, не так ли? Думаешь, они удовольствовались бы оправдательным приговором? Да они бы на все пошли ради того, чтобы узнать, кому он перепродал их драгоценные раритеты. Доказательство тому – перевод в «Лефортово».

– И все равно мне не верится, что Шаповалов стал бы связываться с убийцами, – с сомнением покачал головой Лев. – Адвокат, кстати, тоже вряд ли на это подписался бы.

– Тогда что, по-твоему, произошло на шоссе?

– Похищение – самое адекватное объяснение, как ни странно это звучит.

– Но зачем кому-то похищать Хамелеона? – недоумевал Крячко.

– Этого я не знаю. Но намерен выяснить. Завтра с утра вернемся на место преступления. Дождь наконец-то закончился, за ночь проветрит, будет легче искать.

– Что искать, Лева?

– Доказательства того, что Хамелеон исчез из автозака против своей воли, – ответил Гуров. – Или мы их найдем, или же придется распрощаться с надеждой отыскать следы Шаповалова, а заодно попрощаться с погонами.

Солнце едва показалось из-за горизонта, а полковники уже были на месте. Повторный осмотр начали с деревни Старое Мелково. Гуров предположил, что в этом населенном пункте нападающие могли выставить что-то вроде наблюдательного пункта. От Мелково до моста, на котором произошло нападение, расстояние не более десяти километров, поэтому он и посчитал его максимально удобным для наблюдения. Свои предположения Лев высказал Крячко:

– На месте нападающих я так бы и поступил. Оставил бы здесь человека, дал бы ему в руки удочку и посадил недалеко от моста. Деревня рядом, он бы сошел за местного жителя, решившего, что дождливая погода рыбалке не помеха. Конечно, вряд ли охранники из автозака обратили бы на него внимание, но хорошая «легенда» лишней не бывает.

– Автозак минует Мелково, липовый рыбак делает звонок, и за то время, пока машина идет до второго моста, «Стрелки» успевают устроить свое шоу, так?

– Надеюсь, что так, – кивнул Лев.

– А что это нам дает?

– Будем искать «рыбака».

– Лева, каким образом ты собираешься это делать? Надеешься найти следы от червей, которых он сутки назад насаживал на крючок? Если он вообще что-то насаживал, – принялся ворчать Крячко. – Других рыбаков на реке наверняка вчера не было.

– Вчера не было, а сегодня могут и появиться, – спокойно объяснил Гуров. – И они нам помогут. У рыбаков, знаешь ли, свои привычки, свои любимые места. И наблюдательности им не занимать. Если на их излюбленном месте хозяйничал посторонний, они это наверняка заметят. Нам остается лишь правильные вопросы задать. А вот, кстати, и первый претендент на беседу.

Говоря это, он свернул с моста к воде. Перед полковниками открылось живописное место, идеально подходящее для наблюдения за движением транспорта на трассе. Берег здесь был довольно высоким, метра полтора над водой. Со стороны суши обрыв был окружен раскидистыми ивами, отчего рыбак, мирно сидевший с удочкой, не сразу бросался в глаза. Пришлось сделать приличный крюк, чтобы добраться до обрыва со стороны рыбака.

Их появлению рыбак, седовласый старик лет семидесяти, не обрадовался. Недовольно поведя плечами, он с ходу обложил незваных гостей трехэтажным матом и велел убираться подальше-поздорову.

– Это мое место, – заявил дед. – Я, почитай, с самого рождения здесь ужу. Чужакам тут делать нечего.

– Не кричи, отец, твоя рыба нас не интересует, – миролюбиво проговорил Крячко.

– Вижу, что не интересует. Я, может, и стар, но в дураках отродясь не ходил. Вижу, что у вас и удочек-то нет, – продолжал ворчать старик. – А и были бы, так не для рыбной ловли. Таких пизонов к рыбе близко подпускать нельзя.

– Тогда чего шумишь?

– Раз не за рыбой, значит, пойло принесли. У вас, у городских, две забавы – водка да девки. Девки не вижу, значит, водка по карманам распихана. А алкашей я на дух не переношу.

– Почему сразу алкаши? Может, нам природой насладиться захотелось. Места здесь красивые, с этим ты спорить не станешь.

– Потому и гоноу вас отсель, – не сдавал позиции старик. – Хочу, чтобы место это таким же красивым и оставалось. А то понаедут «любители природы», обгадят все вокруг и снова в город свалят, а мне потом мусор выгребай.

– И часто такое случается? – вступил в разговор молчавший до этого Гуров. – Часто убирать за городскими приходится?

– А тебе-то что до этого? – Старик отложил удочку. – Иль в тимуровцы записаться охота?

– Для тимуровца я, пожалуй, староват, – улыбнулся Лев. – А вот вчерашнего засранца с радостью наказал бы.

– Откуда про вчерашнего знаешь? Неужто и тебе насолить успел?

– Так и есть. Значит, здесь он обосновался?

– Да если бы не моя подагра, хрен бы он это место получил, – забыв про первоначальное желание побыстрее избавиться от незнакомцев, принялся жаловаться старик. – Я ведь кажен день сюда прихожу. Непогода мне не помеха, к дождям я привычный. А вчера не добрался, суставы так скрутило, что хоть криком кричи. Обычно-то я к боли терпеливый. Ну болят суставы, так что с того? Болят, значит, живой еще. Ничего только у покойников не болит, верно ведь?

– Верно, – поддакнул Лев.

– Вот я так старухе своей и говорю, а она все лечить меня пытается. Примочки всякие, таблетки, мази вонючие. Ну да ладно, пусть лечит. Надо же ей чем-то себя на старости лет занимать. Деток у нас нет, внуков, сам понимаешь, тоже. Один я у ней, подопытный кролик. Вечерами я против ее экспериментов не возражаю, а вот на зорьке – не моги. Зорька мне одушина, ее не тронь.

– Значит, вчера она вас рыбачить не пустила, – поняв, что конфликт с женой старик может обсуждать бесконечно, Гуров мягко направил разговор в нужное русло. – И тот засранец занял ваше место.

– Занял! – вспомнив, с чего начался разговор, снова заворчал старик. – Добро бы, рыбу удил, а то ведь нагадил только. Я с утра как пришел, так и ахнул. Бутылки, фантики от снеди какой-то, а уж окурков! Целый мешок собрал, всю поклевку пропустил, но не мог же я в этой мусорке сидеть?

– А мусор куда дел? – спросил Крячко. – Как бы на него взглянуть?

– Ты, никак, мусоровозом поработать охоч? – усмехнулся старик. – Вроде приличный с виду мужик, а чужие бутылки как бомж какой собираешь.

– Я вроде Гринписа, дед, – засмеялся Стас. – Утилизация мусора – мое излюбленное занятие. Лишь бы природа цвела и пахла.

– Так забирай, мне он без надобности. – Старик ткнул пальцем в сторону кустов. – Мешок только верни, он мне еще пригодится.

– Как же я без мешка-то его до помойки потащу? – возмутился Крячко.

– Придумай что-нибудь, на то тебе голова и дадена, – фыркнул старик.

Стас перевел взгляд на Гурова, ожидая поддержки, но тот сделал вид, что не понял намека друга. Тогда он буркнул что-то себе под нос и отправился к машине искать подходящую тару для мусора. Старик вернулся к рыбалке, а Гуров остался на берегу и просто любовался открывающимся видом. Некоторое время оба молчали. Потом любопытство взяло верх, и старик снова заговорил:

– Скажи мне, мил-человек, за какой нуждой вам этот мусор зандобился? – осторожно спросил он. – Насчет бутылок и бомжей я ни в жизнь не поверю.

– Человек этот, что вчера ваше место занял, очень нехороший человек. И поступки совершает плохие. Куда хуже оставленного мусора, – ответил Лев. – И вы правы, никакой он не рыбак. Даже если и была у него вчера удочка, рыба его интересовала меньше всего.

– Удочка была, это факт, а вот поклевки не было. Поздновато пришел, да и дождь лил, рыбе не до жрачки.

– Почему вы думаете, что он поздно пришел?

– А чего тут думать? На зорьке вчера дождь еле крапал. Смех, а не дождь. А вот часам к двенадцати полило основательно, только к двум слегка развиднело. Если бы он пришел за рыбой, спозаранку значит, то половину его «художеств» в виде оберток от шоколадных батончиков и недокуренных бычков с обрыва точно смыло бы, но они все на месте оказались. И следы от каблучков в землю так вдавило, что те до утра сохранились почти в первоизданном виде. Вот и получается, что дурню этому приспичило высидеть на моем месте как раз с полудня до двух.

– Логично, – согласился Гуров.

– А еще дожdevик свой он перед уходом на землю скинул, значит, и в нем надобность отпала. Дождь поутих, за ним машина пришла, вот он от него и избавился.

– Про машину тоже по следам догадались? – спросил Гуров.

– Мозги включил, – усмехнулся старик. – Вы, молодежь, небось думаете, что к старости мозг усыхает, а вот я вам так скажу: если с рождения думалка работала, то и к старости она никуда не девается. Ну, если старческий маразм не нападет, конечно.

– Так что с машиной-то?

– Будь он сразу на колесах, ни в жисть не вывез бы ее на трассу после того ливня, а я по дороге сюда не заметил, чтобы на косогоре кто-то буксовал. Вот и выходит, что водителем он не был, – пояснил старик. – Верно говорю, приехали за ним. Может, те, кого он здесь поджидал, и приехали. Посигналили с моста, он и подошел.

Вернулся Крячко. Пересыпал собранный стариком мусор из его тканевой торбы в пластиковый пакет. Гуров поблагодарил старика за помощь, пообещал упомянуть его в «наставительной беседе с засранцем», и оба полковника вернулись к машине. Мусор из пластикового мешка они рассыпали на обочине и принялись методично его изучать. Улов выглядел небогато: с десяток окурков, смятая сигаретная пачка самой распространенной фирмы, упаковка от крекеров «Тук» и пол-литровая пластиковая бутылка «Кока-колы».

– Да, шикарные улики, – проворчал Станислав, уныло глядя на рассыпанный мусор. – С такими уликами полстраны засадить можно.

Он раздраженно пнул мыском ботинка бутылку. Та откатилась в сторону, сбив при этом сигаретную пачку, и та встала на торец.

– Постой-ка! – остановил его Лев. – Может, и не напрасно мы старика побеспокоили.

Он поднял сигаретную пачку с земли, аккуратно расправил ее и показал Крячко.

– А вот это уже кое-что, – заулыбался Стас.

На оборотной стороне пачки черным маркером были выведены буквы и цифры, точно соответствующие номерному знаку автозака, на котором перевозили Хамелеона.

– Теперь это не просто мусор, – прокомментировал Гуров. – Теперь это улики. Моя догадка получила подтверждение. Собирай мусор, Стас, пора двигаться дальше. Уверен, возле моста найдутся и другие улики.

На этот раз Крячко не стал спорить, собрал мусор обратно в пакет, забросил его в багажник и уселся в машину вслед за Гуровым. находка его воодушевила. Те несколько минут, что ехали до места нападения, рот у него не закрывался. Он высказывал предположения, каким образом нападавшим удалось узнать номер автозака, намечал план дальнейших поисков. Гуров терпеливо слушал рассуждения напарника.

Добравшись до места, оба вышли из машины и осмотрелись. Перед ними лежал мост протяженностью в несколько десятков метров. По левую сторону простирались необъятные поля. По правую тянулась внушительных размеров лесополоса. К ней от шоссе вела проселочная дорога. Съезд на нее выглядел довольно крутым, и по такой погоде вряд ли кто-то решился бы использовать его по назначению, тем более когда действовать нужно быстро, поэтому машину решено было оставить на обочине шоссе.

До лесополосы добрались минут за пятнадцать и углубились в лес сквозь заросли дикой смородины. В одном месте они оказались поломаны и примяты к земле, точно по ним протасили что-то тяжелое. Лев приостановился, чтобы рассмотреть место получше. Он не ошибся, по кустам действительно что-то тащили. Вернее, не что-то, а кого-то. В двух местах он заметил кровь, а на одном из кустов – клочок ткани. Достав из нагрудного кармана полиэтиленовый пакет, Лев осторожно собрал выпачканные кровью листья. Туда же отправился и клочок ткани. Он уже собирался позвать Стаса, чтобы показать ему находку, но тот его опередил:

– Лева, чего застрял? Скорее сюда, я нашел кое-что интересное.

Гуров поспешил на зов напарника, который внимательно рассматривал следы на земле. Подойдя ближе, он увидел, что его так заинтересовало. Чуть в стороне от дороги, на небольшом пятнышке, отпечатались четкие следы автомобильных шин. Густая крона деревьев защитила их, не дав превратиться в грязевое месиво. Машина, на которой приехали наемники, стояла здесь не один час. Земля по центру, размером соответствующая размеру стандартного внедорожника, выглядела более сухой, а в том месте, где должен был находиться багажник, выделялось бурое пятно величиной с бейсбольный мяч.

– Вот тебе и доказательства, – негромко произнес Крячко. – Тут просто история живая написана, читай – не хочу.

– Согласен, картина прояснилась, – кивнул Лев. – Нападавшие похитили Хамелеона.

– Точно, – поддакнул Стас. – Открыли кузов, вытащили его на дорогу, притащили в лес, а когда он начал сопротивляться, долбанули чем-то по черепушке и запихали в багажник. Кровищи-то сколько натекло!

– Не думаю, что рана серьезная, – рассмотрев кровавое пятно повнимательнее, заметил Гуров. – Это только на первый взгляд кажется, что крови много. Она просто с дождем смешалась, вот и растеклась. А может, они пытались смыть кровь, чтобы оценить ущерб. Воду лили, вот тебе и лужа.

– Похоже на то, – снова согласился Станислав. – Что делать будем?

– Надо спецов вызывать, пусть прошерстят тут все. На подходе к лесу тоже следы имеются. Там кусты поломаны, и тоже кровь. А еще вот это. – Лев достал прозрачный пакет, в который убрал найденный клочок ткани.

– Тюремная роба? – взглянув на находку, предположил Крячко.

– Вероятнее всего.

– наших будем вызывать или тверскими криминалистами обойдемся?

– Лучше наших.

– Тогда звони, чего время тянуть?

– Погоди-ка, чего это там в кустах?

Гуров прошел пару метров назад, наклонился к земле и поднял находку вверх. Это был тюремный башмак сорок второго размера.

– Вот и еще одна улика, – произнес он. – Вряд ли Хамелеона оставили бы без обуви, будь он добровольным беглецом. Погони за ними не было, значит, и спешить настолько, чтобы не иметь возможности подобрать обувь, тоже не было.

– Эх, и в историю мы влипли, полковник, – вздохнул Крячко. – Чует мое сердце, не обрадуются нашим новостям высокие чины. Ох, не обрадуются.

Лев достал из кармана телефон, набрал номер старшего экспертной группы, которая выезжала с ними в Тверь. Тот поднял трубку почти мгновенно, будто только и ждал звонка.

– Здорово, Силантьев, – поздоровался Гуров. – У нас для твоей группы работенка появилась. Как быстро сможете приехать?

– Здравия желаю, товарищ полковник! Что за работенка?

– Нашли место, где стояла машина нападавших. Дуйте к мосту, первый съезд к лесополосе от Мокшинского моста.

– Что проверять будем? – уточнил Силантьев.

– Есть протектор автомобиля, образцы крови, – перечислил Гуров. – Возможно, еще что-то удастся обнаружить. Кинолога захватите, вдруг собака сможет взять след.

– Вас понял, товарищ полковник, – отчеканил Силантьев. – Часа через три будем на месте.

– Добро, ждем!

Опера прошли по проселочной дороге километра два вперед, пока лесополоса не ушла далеко в сторону. Следы протектора кое-где еще были видны, но других улик найти не удалось. Вернулись обратно. Гуров открыл карту местности и принялся изучать проселочные дороги. Поразмыслив, оба полковника сошлись на том, что по сто пятому шоссе автомобиль с Хамелеоном в багажнике наверняка не пошел. Значит, нужно было найти объездной путь. Вариантов оказалась масса, от шоссе к каждой мало-мальски приличной деревушке имелась своя проселочная дорога, да к тому же не одна. Не зная направления, определить путь не представлялось возможным.

Оставив бесплодные попытки, принялись выстраивать версии, основываясь на том, что нападение совершила банда «Стрелков-инкассаторов». Еще с вечера Лев дал задание капитану Жаворонкову из информационного отдела, и тот собрал максимально полную информацию по делам, приписываемым банде. Теперь же, в ожидании прибытия экспертов, Гуров и Крячко принялись изучать полученные данные.

Первое упоминание о банде появилось в сводках МВД чуть больше шести месяцев назад. Инкассаторский фургон двигался по второстепенной трассе по направлению к подмосковному городу Королев из столицы. Перевозка совершалась из столичного банка в местный филиал «Московский банк кредитов» – стандартная процедура, которую производили всего-то пару раз в месяц. Маршрут проходил по оживленной сто пятнадцатой трассе практически до самого города. На маршруте было всего одно место, где движение оказалось не столь интенсивным – километров десять мимо дачного поселка. Вот там и произошло первое нападение.

Как только инкассаторский фургон поравнялся с дачным поселком, на дороге произошло задымление. Фургон пришлось остановить, один из охранников пошел выяснять, что стряслось, и получил пулю в лоб. Второго инкассатора из авто вытащили силой. Свою пулю он получил спустя несколько секунд после напарника. Фургон обчистили, забрав около шестидесяти миллионов отечественных рубликов. Свидетелей инцидента найти не удалось. Даже если кто-то из водителей, подъезжавших в этот момент к сто пятнадцатому шоссе, и видел нападение, никто из них не пожелал отозваться на призыв правоохранительных органов и не объявился. Даже солидная сумма вознаграждения, назначенная банком, случайных свидетелей не вдохновила.

Второе нападение произошло спустя две недели. Точно по той же схеме, только в другом месте и с инкассаторским фургоном другого банка. На этот раз сумма превышала сто миллионов, и снова ни одного свидетеля. В правоохранительных органах стойкое нежелание жителей Москвы и Подмосковья давать показания против новоиспеченной банды объясняли двумя причинами. Первая, вполне очевидная, заключалась в том, что никто не хотел подставляться перед отморозками, с легкостью пускающими людей в расход. Вторая, более скрытая, но не менее очевидная, представлялась правоохранителям так: финансовые убытки несли владельцы банков, наживающиеся на огромных процентах с кредитов, выданных тем самым гражданам, которые стали свидетелями преступления. Это как в анекдоте: банк горел – кредит гасился.

После этого нападения на месяц наступило затишье. Пару недель опера землю носом рыли, пытаясь выйти на след грабителей, но безрезультатно. К концу месяца оба дела записали в «висяки» и занялись другими расследованиями. И тогда банда снова подняла голову. Третье нападение совершили по отработанной схеме всего в тридцати километрах от населенного пункта. На этот раз инкассаторы проявили большую бдительность, так как к тому вре-

мени о странных задымлениях на маршруте следования все инкассаторские службы были осведомлены. Они не стали выскакивать из кабины, а сразу же вызвали полицию. Но это им не помогло. Для того чтобы выманить охрану из автомобиля, «умельцы» пустили в машину слезоточивый газ, используя для этого систему кондиционирования. Налетчики добились своего – оба охранника вывалились из автомобиля, как только почували газ. А дальше все шло по отработанной схеме.

После этого нападения произошло еще восемь налетов за три месяца, а потом банда вдруг исчезла. Правоохранители столицы и Подмосковья вздохнули с облегчением, решив, что «Стрелки-инкассаторы» оказались «гастролерами». Подняв в Москве приличную сумму, они свернули деятельность или перебрались в другой регион. Теперь же с работой «Стрелков» столкнулись опера убойного отдела Главка. Почерк говорил сам за себя, отрицать очевидное было бы глупо. Гуров собирался доложить об этом генералу, чтобы тот, в свою очередь, передал информацию выше.

– То, что на Мокшинском мосту орудовали «Стрелки», это бесспорно, – ознакомившись с материалами, начал размышлять вслух Лев. – То же задымление, та же полупустая трасса, и по пуле в лоб каждому охраннику. Можно было бы предположить, что кто-то посчитал хорошей идеей скопировать их стиль, но лично я так не думаю.

– Вопрос в том, для чего им понадобился Хамелеон? Может, они решили, что он настолько богат, что заплатит за свое освобождение нехилый выкуп? – высказал свое предположение Крячко.

– Странный способ получить выкуп, – с сомнением покачал головой Лев. – Тем более если брать в расчет заверения адвоката.

– Ты о том, что Ципиков гарантировал оправдательный вердикт своему клиенту? Так это Шаповалов знает, что стараниями Ципикова его освободят из зала суда, а «Стрелки» могли и не знать.

– О том, сколько денег у Хамелеона, узнали, а о том, что обещает ему адвокат, не удосужились? Это нелогично, – возразил Гуров.

– Да почему нет? – защищал свою версию Крячко. – О кражах, совершенных Хамелеоном, трубили все газеты. Не так сложно подсчитать, в какую сумму они оцениваются. А намерения адвоката, стараниями следователей, так широко не освещались. В этом все дело.

– С чего бы они решили, что Хамелеон отдаст им свои деньги?

– Ни с чего. Инкассаторы тоже ничего им не обещали. Они просто пришли и взяли то, что захотели. – Сдаваться Стас не собирался. – Возможно, они похитили Хамелеона лишь для того, чтобы насильно заставить отдать все, что тот нажил воровством.

– Тогда, как только он это сделает, его пустят в расход, как и охранников. Хамелеон не дурак, он должен это понимать. Не в его интересах сотрудничать со «Стрелками», – задумчиво произнес Гуров.

– А какой у него выбор? Отдать деньги и умереть быстро, или подвергнуться пыткам и отдать деньги. В итоге все равно смерть.

– Перспектива не из приятных, – вздохнул Лев. – Для нас, кстати, тоже. Но есть и другой вариант. «Стрелки» взяли Хамелеона не ради его денег, а ради какого-то важного дела.

– В смысле? – спросил Крячко, не уловив мысль напарника.

– Чем хорош Хамелеон? – вместо ответа спросил Гуров и сам же ответил: – Искусством разрабатывать планы. Что, если «Стрелкам» он понадобился для того, чтобы с его помощью разработать совместный план ограбления? Хамелеон – хорошая кандидатура, за три года он попался лишь однажды. «Стрелки» в этом тоже преуспели, но что, если добычи из инкассаторских фургонов для них стало мало? Что, если они решили замахнуться на более солидный кусок, только для осуществления плана им не хватает хамелеоновских способностей? В этом случае они запросто могли пойти на похищение.

– В этом что-то есть, – согласился Крячко. – Раньше «Стрелкам» везло, но это везение не может продолжаться вечно. Слишком велик риск. Рано или поздно сотрудники охраны банков придумали бы способ бороться с нападениями. Им и так приходилось всякий раз изобретать что-то дополнительно, помимо «дымовухи» и слезоточивого газа. А во время последнего нападения охранник успел подстрелить их человека. Так написано в отчете. Эксперты обнаружили на месте нападения кровь, не принадлежащую ни одному из убитых инкассаторов, а из автомата водителя стреляли. Конечно, это только предположение, но единственно логичное.

– Хорошо, остановимся на этой версии, – подытожил Гуров. – Нападавшие принадлежат к банде «Стрелков-инкассаторов». Банда собирается организовать ограбление века и для этой цели похищает вора Хамелеона. Будем считать, что в сложившихся обстоятельствах он согласился с ними сотрудничать. Каков их следующий шаг?

– Найти надежное укрытие на время разработки плана.

– Все верно, – удовлетворенно кивнул Лев. – «Стрелки» должны доставить Хамелеона туда, где он сможет заняться разработкой плана. Не думаю, что они повезут его напрямик в Москву, хотя и такое возможно, но лично я бы на их месте в столицу не спешил, а обосновался в Подмосковье.

– Предлагаешь прочесать всю Московскую область? Хорошая перспектива, лет за десять управимся, – фыркнул Стас.

– Начать можно с того, что имеем. Скоро прибудет кинолог с собакой. Пустим их по следу машины «Стрелков». Вдруг да выведет куда надо. Ну а нет, перейдем к плану Б. У нас больше десяти точек. Десять мест, где «Стрелки» уже нарисовались. Попробуем вычислить систему, которой они руководствовались, выбирая инкассаторские фургоны. Очертим охваченную площадь и начнем проверять наиболее перспективные места. Другого варианта все равно нет.

Глава 4

Жизнь – штука сволочная. Порой она выкидывает странные фортели. Такие, о которых в сводке криминальной хроники не напишут и кино снимать не станут. Широкой общественности они неинтересны, никто на них и внимания не обратит. Может, лишь узкий круг псевдодрузей и откровенных недоброжелателей в кулуарах посудачат пару-тройку дней, а потом и они забудут.

У каждого человека свои страхи, и они определяют, каким именно способом судьба станет испытывать тебя на прочность. Например, страшный сон состоятельного бизнесмена: обвал биржи и вытекающие из этого последствия. Еще вчера ты был всеми уважаемый обладатель пары сотен миллионов, а сегодня весь твой дебет состоит из груды бесполезных бумажек, которыми разве что сортир обклеивать.

Для ипохондрика, день и ночь штудирующего статьи в Интернете и выискивающего симптомы сотни болезней у себя родимого, ужасом дня становится получение непреложных доказательств, что ни одна из надуманных болячек не является реальной. Жил такой человек, жил, лелеял свои недуги – и вдруг узнал, что хвори-то у него и нет. И чем жить дальше? Катастрофа!

С профессиональными спортсменами своя беда: им постоянно приходится жить в состоянии стресса. И страшный сон у них свой: в разгар соревнований международного класса он совершает глупейшую ошибку, и его снимают с дистанции. Или он ломает кости прямо у финишной прямой, или прыгает с вышки, а воды в бассейне-то и нет. Или, наоборот, крутит «тройной тулуп», и в этот момент лед под ним проламывается, тело с головой уходит под воду, а все мысли только о том, засчитают ли судьи последний поворот. Что именно – это уж от выбранного вида спорта зависит.

У домохозяйки своя фишка: ребенка из сада забыла забрать, и он остался один-одинешенек в пустом, холодном казенном доме. И вот бежит она наутро на всех парах в злополучный сад, а ребенка и там нет. Тут и начинается самое страшное: социальные работники строчат донесения в прокуратуру, судьи выносят вердикт о неспособности забывчивой женщины быть хорошей матерью. И ребенка забирают. Насовсем.

Молодому человеку, только-только завязавшему отношения с красавицей-невестой, снится, как он пригласил ее в ресторан, заказывал кучу дорогих блюд, а когда пришло время расплачиваться, денег в кошельке не оказалось. Девице на выданье привидится, как чудожених бросает ее прямо у алтаря. Прилежные школьники до чертиков боятся, когда во сне суровый отец раскрывает дневник, а тот полон двоек.

Список можно продолжать до бесконечности. Страхи у каждого человека свои, а что же в итоге? Вот здесь такого разнообразия не наблюдается. В итоге каждый, кому шутница-судьба подсунет дулю под нос, проходит несколько стадий, чем-то схожих с пресловутыми стадиями принятия смерти. Неважно чьей, своей собственной или смерти близкого.

Отрицание. Куда же без него? Нет, этого не может быть. Все происходит не со мной. Это какая-то чудовищная ошибка, и скоро все разрешится чудесным и обязательно положительным образом. Это сон, просто сон! Я проснусь и узнаю, что курс доллара вырос на несколько пунктов, на международных соревнованиях я выиграл золото, социальные работники не забрали ребенка, так как он давно вырос и уже лет десять живет в Австралии, а в дневнике на каждой строчке стоят сплошь одни пятерки. Но проснуться невозможно. Судьба выбрала тебя в качестве подопытного кролика, и этого ничем не изменить.

И тогда на смену отрицанию приходит гнев. Как это так! Я всю жизнь горбатился, чтобы к старости подзаработать пару сотен лишних миллионов, и вот все мои богатства пошли коту под хвост! Кто в этом виноват? Подайте его сюда, уж я с ним потолкую. Вы просто не туда смот-

рели, ошибки не было, кто позволил вам, бездарным судьям, ни разу в жизни не пробежавшим и пары километров, снимать меня с дистанции! Забыла про ребенка? Да бросьте! Нужно еще разобраться, кто про него забыл. Это всего лишь недоразумение, и вообще была очередь све-крови, а она и своего сынка кое-как воспитала, и про внука забыла! Все из-за несправедливых учителей. Это они виноваты, что дневник кишит двойками, просто они меня недооценили. Но гнев тоже не помогает, и тогда начинаются торги.

Несчастный торгуется до колик, только вот беда – торговля идет исключительно с самим собой. Мысленно, незаметно для окружающих, так как нужно «держать марку». Негоже серьезному бизнесмену, высококлассному спортсмену или той же домохозяйке показывать людям, насколько они раздавлены.

Дальше пункты отрицания смерти и отрицания личной жизненной катастрофы меняются местами. Человек, получивший известие о скорой смерти, после стадии гнева впадает в депрессию и только спустя некоторое время принимает неизбежное. В жизненных ситуациях происходит иное. Сбросив пар с помощью гневных речей, бедолага вынужден принять тот факт, что жизнь его круто и бесповоротно изменилась. А приняв сей факт, он впадает в депрессию, выбраться из которой бывает очень трудно, а для некоторых и вовсе не возможно.

Обо всем этом думал Иван Шаповалов по кличке Хамелеон, сидя на холодном полу в пустом чулане старого одноэтажного дома. Философствовать он любил. Еще во времена коротеньких штанишек и слипшихся в кармане леденцов, когда юному Ване Шаповалову приходилось принимать наказание от строгого деда, назначенного ему в опекуны после внезапной и скоропостижной смерти родителей, десятилетним пацаном он сидел в подобном этому чулане и размышлял над превратностями судьбы.

Смешно, по-детски пытался докопаться до истины. Отчего так выходит, что представления взрослых о том, что хорошо, а что плохо, кардинально отличаются от его собственных представлений? Где, на каком этапе взросления все меняется?

Повзрослев, Ваня пристрастился к чтению. Ницше, Кант, Гегель, Фома Аквинский, Зигмунд Фрейд, Эрих Фромм... «Похождения бравого солдата Швейка» его не интересовали, а вот философия увлекла основательно. Позже он это перерос, заумные фразы стали для него скучны. Он окончательно решил оставить в прошлом все ограничения и нравственные запреты. Жить нужно весело – вот его философия. Весело и с долей авантюризма.

Утвердившись в непреложности данного факта, Ваня Шаповалов стал вором. Не банальным карманником, подрезающим «лопатники» в толпе зевак на вещевом рынке, не компьютерным хакером, обчищающим банковские счета, не выходя из дома, а вором-художником. Аферистом и авантюристом, бросающим вызов чужим умам, призванным разрабатывать сложные системы защиты личных коллекций от краж. Чем сложнее задача, тем интереснее. Как показало время, в своем выборе он не ошибся. Изобретать способы, как завладеть уникальными экспонатами высокой исторической и материальной ценности, стало его призванием, в котором он весьма недурно преуспел. Солидный банковский счет и отсутствие судимостей только подтверждали правильность выбора. Пока госпожа Фортуна не продала его своей сволочной подруге Жизни, и та, не медля ни секунды, выкинула свой самый грязный фортель.

В один прекрасный день, ставший для вора Хамелеона роковым, все круто изменилось. Всего каких-то пару-тройку недель назад он мирно нежился в теплой ванне с шикарной пенной шапкой в полметра высотой – и вот уже валяется на холодном сыром полу в какой-то богом забытой дыре и мечтает только о том, чтобы синяки и ссадины на теле хоть на минуту перестали ныть. Хоть на паршивую минуту!

Когда его задержали возле дома антиквара, он расстроился, но не сильно. Рано или поздно это должно было случиться, такова уж у воров планида. Если ты решил обчищать чужие дома, должен быть готов и к аресту. Он и был готов. Заранее зарезервировав себе в сообщники лучшего адвоката, он не особо беспокоился о своей судьбе. Адвокат Ципиков свое дело знает,

он непременно найдет способ вытащить его из передраги. Так и случилось. Пару недель его держали в камере, пытаясь выбить «чистуху», но Ципиков вселил в Хамелеона уверенность в том, что в суде все пройдет без сучка без задоринки. Судья вынужден будет вынести оправдательный приговор, так как нет никаких доказательств того, что именно он, Ваня Шаповалов, обчистил тот дом, возле которого его взяли.

Но предвидеть то, что случилось потом, ни он, ни Ципиков не могли. Тверские правоохранители со своей задачей не справились, высшие чины решили отправить Хамелеона в Москву, и это тоже было закономерно. Неприятно, но вполне объяснимо. Однако до Москвы он не доехал. Прикатали бравые ребята в маскировочных балаклавах и спутали все карты.

Сидя в кузове автозака, Хамелеон мечтал, что не пройдет и месяца, как он снова окажется в своей московской квартире и будет наслаждаться прелестями жизни. Станет ли он продолжать свои авантюрные вылазки? Скорее всего – да. Деньги – вопрос второстепенный. Он уже достаточно заработал, чтобы его существование было безбедным до конца дней. А вот адреналин, работа мозга, вызов обществу – это дело другое. Без этого он не мыслил своего существования. Сидя перед телевизором, такого не испытает.

Конечно, некоторое время придется переждать, а может, даже переехать в другой город. Питер в этом отношении хорош, Ярославль тоже. Но оставить себя без работы мысли, без завораживающих ощущений, возникающих в тот момент, когда ты стоишь в шикарно обставленной комнате какого-то несчастного собирателя, чья жизнь состоит из поиска раритетов, которые он потом тупо спрячет в сейф и будет, как Скрудж Макдак, любоваться ими в одиночестве? Нет, этого он допустить не может.

И пусть Ципиков нудит сколько влезет, пусть пугает его тюрьмой, пусть до посинения грозит, что в следующий раз ему, вору Хамелеону, так не подфартит. Плевать! Он рискнет, а вместе с ним придется рисковать и Ципикову. Он платит ему нехилые «бабки» именно за то, чтобы тот в любой момент был готов пободаться с правоохранителями. Ципиков не дурак, он прекрасно знает, чем занимается Хамелеон, но умело делает вид, что верит, будто Ваня Шаповалов – наичестнейший человек, ни разу в жизни крошки хлебной без разрешения не взявший, и достоин защиты.

Его мысли оборвались на самом интересном месте. Автозак остановился. Это насторожило Хамелеона. Остановки на столь коротком перегоне не предусматривались, об этом предупредил Ципиков. До самого «Лефортово» охранники должны гнать машину без остановок, значит, что-то случилось. Внутреннее чутье на опасность, непрменный атрибут хорошего вора, сработало одновременно с остановкой. Хамелеон замер и прислушался. Из кабины донеслись приглушенные голоса, охранники о чем-то спорили. Один хотел, чтобы второй вышел наружу и проверил, что случилось на дороге. «Не делайте этого, идиоты! Заводите мотор и валите как можно быстрее!» Сейчас Хамелеон как никогда жалел, что не может высказать свои мысли вслух.

А охранники продолжали спорить. Правда, недолго. Затем он услышал, как щелкнул дверной замок, а следом хлопок, совсем тихий, но натренированное ухо Хамелеона уловило и его. «Глушитель. Охраннику конец, – догадался он. – Что, черт возьми, там происходит?» Сам Хамелеон оружие не уважал, никогда им не пользовался, но его пытливый ум не оставил эту тему без внимания. Он изучал данный вопрос, поэтому прекрасно знал, как звучит выстрел через глушитель.

Хамелеон напряг слух, пытаясь уловить малейшие изменения звуков, но снаружи наступила тишина. Зловещая, не предвещающая ничего хорошего. Потом снова щелкнул дверной замок. Второй охранник принял неверное решение – вместо того чтобы давить на газ, он решил выйти из машины. «Дубина, не делай этого!» – мысленно прокричал Хамелеон, но было поздно. Раздался хлопок, а вслед за ним глухой удар, тело охранника рухнуло на шоссе. «Все, мне конец! – пронзила мозг Хамелеона страшная мысль. – Кто-то решил, что живым мне в

«Лефортово» делать нечего. Кто-то, кого я обчистил, взял дело правосудия в свои руки». Тело его обмякло, кожа покрылась мурашками, руки задрожали.

А потом заработал автоген, неизвестные вознамерились вытащить его из автозака, и, судя по их оснащенности, сделать это не составит для них труда. «О боже! – Хамелеона охватила паника. – Я не хочу умирать! Мне еще рано умирать!» Огромным усилием воли он заставил себя успокоиться. Не этому учили все те умные книжки, что он тоннами читал в юношеском возрасте. Если ты попал в сложную ситуацию, паника – наихудший советчик. Нужно встретить опасность лицом к лицу. Тебе неизвестны намерения людей, вскрывающих дверь, а это значит, что ситуацию еще можно взять под контроль. Главное, не паниковать. Дать понять тем, кто снаружи, что ты не робкого десятка, что с тобой придется считаться. Да, он дождется, пока они войдут, а потом предложит им свои условия. Он богат, и это уже немало. «Жди, Ваня, – приказал он себе. – Сосредоточься и жди».

Секунды, потребовавшиеся для того, чтобы вскрыть дверь фургона, показались Хамелеону вечностью. Но вот дверь открылась, и перед ним возникла фигура в камуфляжном костюме и в маске. Человек оглядел нутро кузова и шагнул в сторону, уступая место другому. Хамелеон сразу понял, что перед ним главный. Его костюм ничем не отличался от костюма того, первого. На лице была та же маска, но вот осанка, то, как уверенно он вошел, посадка головы – все говорило о том, что в его руках власть.

– Привет! – подавив дрожь в голосе, произнес Хамелеон. – Скверная погодка, не так ли?

– А ты с юмором, – хмыкнул тот, кого Хамелеон записал в главари. – Мне это нравится.

– На том стоим, – пожал плечами Хамелеон. – И еще, не знаю ваших намерений, но, сдается мне, вы вскрыли не ту банку.

– О нет, мы пришли по адресу. – Гнусавый голос главного звучал иронично. – Жаль, что нет времени для знакомства, но ты и сам должен понимать, такие дела нужно делать быстро. Верно, Хамелеон?

Услышав свое прозвище, тот похолодел. Минуту назад он еще лелеял надежду, что парни, напавшие на автозак, просто ошиблись, но теперь сомнений не было, они пришли именно за ним. Чем все это может для него обернуться, Хамелеон даже думать не хотел. Тем не менее он предпринял еще одну попытку, чтобы выяснить, с кем имеет дело.

– Скорость не всегда хороша, – осторожно произнес он. – В нашем деле главное – не ошибиться с целью. Вы уверены, что попали по назначению?

Вместо ответа главный дал знак своим подручным, и те подскочили к Хамелеону. И вот тут нервы его не выдержали. Сколько бы человек ни читал заумных фраз, как нужно вести себя в сложной ситуации, на деле он все равно начнет паниковать. Такова человеческая природа. Хамелеон запаниковал. При виде приближающихся людей в балаклавах он начал истошно орать. Причем орал так, что сосуды на шее вздулись, еще чуть-чуть – и они лопнули бы, но в планы главного смерть Хамелеона, видно, не входила.

– Прекратите это! – произнес он своим гнусавым голосом и вышел наружу.

«Я не могу прекратить, – хотел произнести Хамелеон. – Не могу, потому что мне слишком страшно». Но, как оказалось, главный обращался не к нему. Бравые ребята в камуфляже набросились на Хамелеона, точно шакалы на легкую добычу. Били они профессионально, методично молотя кулаками по всем доступным частям тела Хамелеона до тех пор, пока тот не отключился.

Очнулся он уже снаружи. Двое из тех парней, что использовали его тело в качестве боксерской груши в автозаке, волокли его по какой-то проселочной дороге. Как ни странно, после перезагрузки мозг работал четко и ясно. Страх ушел, уступив место инстинкту самосохранения. «Я жив, а это значит, что моя смерть не входит в их планы, кем бы они ни были. У меня есть шанс все исправить, надо только придумать, как это сделать. Ты сможешь. За последние

три года ты составил столько гениальных планов, и теперь, когда от работы твоего мозга зависит твоя судьба, ты просто обязан что-то придумать».

Дорога шла вдоль зарослей кустов, впереди чернела огромная лужа. Живое воображение Хамелеона нарисовало отвратную картину: его тело погружается в холодную воду, нос, рот и глаза забивает зловонная жижа вперемешку с птичьим пометом и останками насекомых. Кирзачам бравых парней лужа не страшна, так чего ради беспокоиться о пленнике? Но нет, тащиться по грязи они не решились, видно, не были уверены, насколько глубока лужа. Вместо этого они свернули в кустарник. Тело Хамелеона обожгло острой болью, когда ветки кустарника начали царапать кожу, прикрытую лишь хилой тканью робы.

«Это твой шанс, – мгновенно отреагировал мозг на боль. – Кровь останется на кустах, это даст возможность тем, кого отправят на твои поиски, идентифицировать ее. Хорошо бы еще и робу здесь оставить, чтобы уж наверняка. Постарайся, Ваня, это не так сложно, как кажется на первый взгляд». Хамелеон поднял голову, выискивая кусты понадежнее, и чуть сбоку увидел то, что искал, – высокий куст с крючковой веткой как раз по центру. Как только парни дошли до куста, он дернулся в сторону, насаживая себя на куст.

– Какого хрена ты делаешь? – заорал один из парней.

– Брось, Винт, он в отключке, – успокоил его напарник. – Просто тело дернулось.

– Если так пойдет и дальше, он раньше времени кровью истечет, – проворчал первый и, вопреки логике, с силой дернул Хамелеона на себя. Острая ветка прорвала робу, распахав мышцу бедра на добрых пять сантиметров. Хамелеон закусил губу, пытаясь сдержать крик. Скосив глаза на куст, он на короткий миг забыл о боли. Цель достигнута – помимо крови, на ветке остался клочок робы.

Вскоре впереди показалась опушка леса, а чуть дальше – машина. Добравшись до нее, парни бросили тело Хамелеона возле багажника и дружно закурили. Гнусавого видно не было. Хамелеон предположил, что тот укатил прямо с шоссе, таскаться по грязи было ниже его достоинства, для выполнения грязной работы у него имелись подручные. Пока парни курили, он незаметно развязал шнурки на правом ботинке, так как клочку робы доверял лишь частично. На его взгляд, требовались более веские улики, чтобы его начали искать, а тюремный ботинок показался вполне достойной уликой. Оставалось придумать, как незаметно для парней Гнусавого оставить его в лесу.

Выход нашелся сам собой. Когда один из парней отошел в кусты, Хамелеон застонал, давая понять, что пришел в сознание. Второй парень услышал стон и, склонившись над ним, произнес:

– Очухался? Отлично! Скоро будем дома. Там тебя подлатают.

– Мне отлить нужно, – пересохшими губами произнес Хамелеон.

– Потерпишь.

– Ладно, сам главному объяснять будешь, почему у меня лопнул мочевого пузырь. Надеюсь, моя смерть его не расстроит.

Парень некоторое время смотрел на Хамелеона, потом небрежно сплюнул и проговорил:

– Вали в кусты! Встать сможешь?

Уговаривать себя Хамелеон не заставил. Поднялся, опираясь на багажник, и заковылял к ближайшему дереву. Вокруг дерева разросся подлесок, но это ему было только на руку. Справляя нужду, он осторожно высвободил правую ногу из ботинка и отшвырнул его в сторону. В это время вернулся второй конвоир.

– Какого хрена здесь происходит? – заорал он на напарника. – Ты что, совсем ополоумел? Отпускать пленника одного в лесу!

– Остынь, Винт, куда он не денется. Он на ногах еле стоит, ему не до побега, – возразил второй конвоир и добавил: – Пусть только попробует сбежать. Пуля летит куда быстрее.

Хамелеон оторвался от дерева и заковылял в сторону машины. Тот, кого звали Винт, раскрыл багажник и жестом велел ему лезть внутрь. Он послушно забрался в багажник. Винт захлопнул крышку, даже не взглянув на голую ступню пленника. Спустя минуту заработал двигатель, и машина тронулась с места. Теперь Хамелеон не сомневался в том, что его похитили. С какой целью? Этот вопрос оставался открытым, но в том, что сделали это ради какой-то выгоды, сомнений не было, поэтому он хотел иметь представление, как далеко похитители увезут его от места похищения.

И тут Хамелеон снова потерял сознание. Скорее всего, произошло это от потери крови, так как рана на бедре кровоточила всю дорогу. Второй раз он очнулся уже в чулане, малюсенькой комнате метр на два, без единого окна и намека на цивилизацию. Внутри чулана было сыро и грязно. Хамелеон лежал на голом полу, его похитители не потрудились бросить ему какую-никакую подстилку. Правда, рану на бедре забинтовали, и ссадины на коже обработали антисептиком.

Превозмогая боль, он поднялся, добрался до двери и прислушался. Снаружи не доносилось ни звука. Постучать он не решился, резонно рассудив, что привлекать внимание похитителей – не самая гениальная мысль. Вместо этого уселся на пол и занялся тем, чем занимался много лет назад, когда дед запирали его в чулане. Он принялся размышлять.

Почему это случилось именно с ним? Для чего его похитили? Он ведь не сын президента многомиллионной корпорации, не скандально известный журналист, чьи статьи многим стоят поперек горла, не известный политик, решивший пойти против власти, и не шейх из Саудовской Аравии. Он всего-навсего – вор. Простой вор, без претензий на величие. Так кому он перешел дорогу? Чего ради парни в камуфляже не побоялись напасть на спецтранспорт, принадлежащий органам юстиции?

Чувствовал себя Хамелеон не особо хорошо. В висках стучали молотки, кожа горела, почки ныли, а печень отплясывала свой собственный танец. К тому же ему чертовски сильно хотелось пить. Так сильно, что в глазах темнело. Вскоре он мог думать только о воде. Он представлял ее во всех состояниях: журчащий ручей, выбивающийся из-под замшелого камня, фонтан на улице Пролетариев, разливающий живительную влагу из двенадцати автономных установок, куски льда в специальной охлаждающей посуде за стойкой бара, снежные шапки на горной вершине и просто пара глотков в засаленном одноразовом стаканчике в руках какого-то бомжа. Это сводило с ума, лишая остатков уверенности. Остаться в здравом уме помогала вторая мысль, неотвязно сверлящая мозг: почему все это случилось с ним? Почему? Да потому, что у Вселенной на него оказались другие планы.

Глава 5

Прибывшие кинологи помочь столичным операм не смогли. Поначалу собака, овчарка-трехлетка с умной мордой и приметной подпалиной, прочертившей шерсть по левому боку, едва понюхав следы покрывшей, радостно завиляла хвостом и бросилась вдоль проселочной дороги по направлению к деревне Мокшино. Кинолог бросился следом, а за ним и вся команда. Гурова и Крячко поведение служебного пса воодушевило, но мчаться по непросохшей дороге в неизвестном направлении они считали излишним. И, как оказалось впоследствии, поступили правильно. Отпускать экспертов-криминалистов в погоню за призраками Гуров тоже не собирался, и им пришлось вернуться. За кинологом решено было отправить автомобиль с одним из сотрудников, на случай, если придется возвращаться ни с чем.

Так и случилось. Спустя час машина вернулась. Собака дошла до опушки, поднялась по насыпи до трассы и потеряла след. То ли дождем его с асфальта смыло, то ли нападавшие хитрость какую применили, только взять след повторно в этом месте пес не смог. Для второй попытки выбрали следы крови и потерянный ботинок. И снова служебный пес радостно вилял хвостом и рвался с поводка, и снова кинолог в сопровождении машины умчался по проселочной дороге.

На этот раз группа вернулась еще быстрее, запах похищенного Хамелеона выветрился, едва собака отбежала на пару сотен метров. Однако кинолог не отчаивался, он продолжил попытки. Вместе с псом они еще несколько раз покидали место происшествия, после того как собака брала след. Черный круг от самодельного взрывного устройства, едва различимые следы крови, впечатавшиеся в асфальт в местах гибели охранников, слабый запах на спуске с шоссе...

Надо признать, старался кинолог на совесть, но ближе к четырем вынужден был сдать. Надежды Гурова и Крячко на легкий исход не оправдались. День клонился к вечеру, а они все еще не знали, кто забрал Хамелеона и куда его отвезли. Криминалисты закончили работу чуть раньше кинолога. Собрав всевозможные образцы, они дождались возвращения кинолога и отбыли в Москву.

Полковники же вернулись в тверское СИЗО, Гурову позвонил Ципиков и настоял на личной встрече. Из его сумбурной речи Лев сделал вывод, что вопрос серьезный, и не стал отказывать. Четкого плана действий у полковников на тот момент не было, поэтому они решили, что могут немного задержаться. Гуров засел в кабинете, выделенном полковником Осокиным, и начал методично разбирать все дела «Стрелков-инкассаторов» в ожидании приезда адвоката.

А Крячко занялся изучением личных дел охранников, каким-либо образом контактировавших с Хамелеоном за те две недели, что арестант провел в изоляторе. Он надеялся вычислить того, кто мог сотрудничать со «Стрелками», резонно полагая, что дату и время перевозки им мог сообщить кто-то из своих. Гуров же в этом вопросе был с ним не согласен. Он считал, что «Стрелки» не стали бы связываться с «краснопогонниками». Для парней типа «Стрелков» принимать помощь от охраны вроде как запахло, а зоновские законы они должны были уважать.

Адвокат приехал только к шести, с порога принялся извиняться за задержку, мол, дела других клиентов задержали. Он был явно удивлен тем, что московские опера занялись похищением Хамелеона всерьез, и всем своим видом старался показать, что ценит их рвение.

- Рад, что вы меня дождались, – произнес Ципиков. – Уверен, вы об этом не пожалеете.
- Если можно, ближе к делу, – сухо зато ответил Гуров. – Что за неотложный вопрос?
- Кажется, я нашел доказательства того, что моего клиента похитили, – торжественно заявил адвокат и выложил на стол миниатюрный микрофон. – Вот, это я нашел сегодня днем.
- Микрофон? Очень мило, – протянул Лев. – И что он должен означать?

– Понимаете ли, мое основное место жительства находится в Москве. Когда моего клиента задержали и определили в местный изолятор, я вынужден был приехать. Такие дела дистанционно не решаются, мое присутствие было просто необходимо. Так вот, я приехал в Тверь и остановился в гостинице. Офиса у меня здесь нет, поэтому все вопросы по делу Шаповалова я решал либо здесь, в СИЗО, либо в гостиничном номере. После того как мы с вами побеседовали, я все думал: каким образом этим прохиндеям стал известен тот факт, что Шаповалова переводят в «Лефортово»? Сначала я решил, что тут замешан кто-то из охранников. Сдали Шаповалова за хорошую мзду, и дело с концом. Но потом этот вариант забраковал. Знаете, почему? Нападение на автозак совершили не дилетанты, это сделали преступники высокого полета, я уверен. А раз так, то и с охраной они связываться не станут.

– Воровской закон, – вставил Гуров, давая понять, что уловил мысль адвоката.

– Верно, воровской закон, – радостно согласился Ципиков. – И как же тогда они узнали, что Шаповалова переводят? Мистика какая-то! И тут мне в голову пришла гениальная мысль. Чтобы ее проверить, я принялся методично осматривать свой номер. Как думаете, что я обнаружил?

– Ваш номер прослушивался, – догадался Лев.

– Абсолютно справедливо, – удовлетворенно кивнул Ципиков. – Я обнаружил этот микрофон за безвкусовой картиной у себя над кроватью. Кто-то занял соседний номер и, пока я отсутствовал, просверлил малюсенькую дырочку в стене и просунул этот предмет в мой номер. Просто до гениальности!

– Действительно, просто, – согласился Гуров. – Кто зарегистрирован в этом номере, узнали?

– Не успел, – досадливо поморщился Ципиков. – Возникло неотложное дело, и я вынужден был уехать, на вопросы администратору времени не хватило.

– Тогда прямо сейчас поехали, – поднялся Лев. – Наверняка прослушивающего устройства в номере уже нет, а сам жилец выселился, но отпечатки пальцев и приметы не помешают.

Он вызвал Крячко, вытребовал из местного отдела полиции группу криминалистов, и вместе с Ципиковым вся группа выехала в гостиницу. Вежливый администратор изучил документы Гурова и только после этого отдал распоряжение выдать ключи от соседнего номера. Как Лев и предполагал, жилец освободил номер двое суток назад, за день до налета на автозак. Полковникам повезло, новым жильцам номер не сдавали, а гостиничная обслуга оказалась не шибко трудолюбивой, поэтому уборку в номере еще не проводили.

Группа Гурова в сопровождении администратора поднялась на второй этаж. Внешне номер ничем не отличался от сотни таких же номеров в любой другой гостинице. Одна жилая комната, туалет, совмещенный с душем, и небольшой предбанничек вместо прихожей. Интерьер комнаты стандартный: двуспальная кровать, встроенный шкаф и две тумбочки с простенькими светильниками на них. Над кроватью висела картина, аляповатые цветы в уродливой вазе.

– Вот, видите? И у меня точно такая же, – радостно заявил Ципиков, тыча пальцем в картину. – Под ней должно быть отверстие.

Криминалисты принялись за работу. Аккуратно сняли картину, за которой действительно нашли отверстие размером в пять миллиметров. На картине обнаружились и отпечатки пальцев. Огромное количество. Надежды на то, что среди них найдутся и отпечатки преступников, теперь казались ничтожными, но из того и состоит работа криминалистов. Двое молчаливых парней передвигались по комнате от предмета к предмету, посыпая их порошком и снимая липкой лентой то, что проявилось.

Гуров оставил в номере Стаса, а сам спустился вниз опять же в сопровождении администратора. Он собирался побеседовать с сотрудником, регистрирующим клиентов, а администратор пожелал при этом присутствовать. В этот вечер за стойкой регистрации стоял моло-

дой парнишка лет двадцати – двадцати двух. Он внимательно выслушал вопрос полковника, после чего перевел вопрошающий взгляд на администратора. Тот нехотя кивнул, и парнишка принялся рассказывать.

Согласно журналу регистрации, в номер двести одиннадцать жильцы заселились спустя пять дней после задержания Хамелеона. Двое мужчин предъявили водительские удостоверения и забронировали номер на весь месяц. Оплату произвели наличными, питание в номер не заказывали и отказались от уборки на весь период проживания. Это было не так странно, как могло показаться на первый взгляд. Многие посетители не желают, чтобы в их номер приходила горничная в их отсутствие. Эти же, судя по отметкам в журнале, даже постельное белье предпочли менять самостоятельно.

– Вы лично их видели? – спросил Гуров.

– Разумеется. Мы вдвоем со сменщиком работаем, меняемся через сутки, – ответил парнишка, но, поймав недовольный взгляд администратора, тут же начал оправдываться: – То есть это временно, пока новых сотрудников не наймут. А так мы строго по КЗОТу работаем. Выходные, праздники, переработка и отпуска – все соответствует закону.

Гуров поморщился, но промолчал. Вступать в распри с администратором ему совершенно не хотелось.

– Можете описать их внешность? – пропустив оду о прекрасных условиях труда, спросил он.

– Один высокий, худой и с проплешинами в волосах. – Парнишка и сам был рад уйти от щекотливой темы. – Второй чуть ниже, но тоже не карлик. Вот у него шевелюра что надо. Густые черные волосы по плечи. Он их всегда руками вверх загребал, чтобы на глаза не лезли.

– Фоторобот сможете составить?

– Наверное, да, – неуверенно проговорил парнишка. – Они только раз вместе пришли, когда регистрировались, а потом только менялись, так что ключи им выдавать нам не приходилось. Могут что-то и напутать.

– Что значит, «менялись»? – не понял Лев.

– Ну, в номере они жили по очереди, то один, то другой. И никогда вместе.

– Давай-ка об этом поподробнее, – попросил Гуров.

– Тот, что с проплешинами, приходил все время ближе к полуночи. Молча кивал вместо приветствия и поднимался наверх. А спустя полчаса выходил второй, с шевелюрой. Куда он уходил, я не знаю, но по виду казалось, что он «по девочкам» идет.

– Это как?

– Ну, он напояженный такой весь, одеколоном за версту пахнет, и шарфики на шее цветастые. Все время разные. Куда еще в таком виде, да среди ночи? А потом, часов в двенадцать дня, плешивый уходил, а с шевелюрой оставался.

– Съезжали они вместе?

– Не, только плешивый. Забрал чемодан из номера, взял расчет и ушел. А с шевелюрой больше не появлялся, – сообщил парнишка. – Рано утром ушел, часов в шесть.

– Чемодан у него большой был?

– Не особо. Такой пластиковый чемоданчик, вроде тех, в которых автомобильные инструменты хранят.

– Распечатай мне данные по их документам, – потребовал Лев.

Парнишка снова скосил взгляд на администратора.

– Делай что велят, – приказал тот. – И вызови сменщика, поедешь в отдел фоторобот составлять.

В этот момент на первый этаж спустились Ципиков и Крячко. Криминалисты еще работали, но для Стаса наверху дел больше не было. Гуров отвел их в сторонку, изложил ситуацию.

Услышав, что его недавние соседи посещали номер по графику, Ципиков обрадовался. Еще один плюс в пользу его теории.

– Вы забрали данные на этих лихачей? – спросил он. – Нужно пробить их по базе. В ГИБДД на них должны быть более полные сведения.

– Думаете, они воспользовались реальными документами? Не смешите народ! – фыркнул Крячко. – Документы наверняка поддельные.

– Да, верно. Об этом я как-то не подумал, – расстроился Ципиков. – Вся эта ситуация буквально выбила меня из колеи. Совсем не могу мыслить здраво.

– Полагаю, задавать вопрос о том, обсуждали ли вы с кем-то дату перевозки Шаповалова, пока находились в номере, будет лишним? – Фраза Гурова прозвучала скорее как утверждение, чем как вопрос.

– Вы правы, обсуждал. Звонил начальнику СИЗО, полковнику Осокину. Дату назначили только за шестнадцать часов до перевозки, он сам мне звонил, так как обязан был уведомить. Говорили мы долго. Но откуда же мне было знать, что кто-то станет покушаться на моего клиента?

– Останетесь здесь или вернетесь в Москву? – поинтересовался Лев.

– Поеду домой. Здесь я теперь бесполезен, – ответил Ципиков. – Ночь переночую, и в столицу.

– Оставайтесь на связи, ваши знания нам могут пригодиться, – посоветовал Гуров.

Закончив с адвокатом, он поискал глазами парнишку-регистратора. Тот что-то вполголоса обсуждал с мужчиной средних лет. Оказалось, это его сменщик. Парнишка передал смену и подошел к Гурову:

– Я готов.

Втроем они загрузились в машину Гурова и поехали в ОВД, в котором работал следователь, ведущий дело Хамелеона. Не успели отъехать от гостиницы и на сотню метров, как у Льва зазвонил телефон. Взглянув на дисплей, он, нахмурившись, сообщил Стасу:

– Генерал звонит, – после чего нажал кнопку громкой связи и произнес: – Здравия желаю, товарищ генерал!

– Гуров, вы еще в Твери? – вместо приветствия спросил Орлов.

– Пока да, тут новые обстоятельства вскрылись, придется задержаться.

– К черту обстоятельства! Бросайте все и возвращайтесь, – раздраженным тоном потребовал генерал.

– Что-то случилось?

– Случилось. Час назад совершено ограбление. Частный коллекционер Ларри Кобышевски лишился своей коллекции гербовых печатей, – выдал Орлов. – Как думаешь, чей почерк?

– Хамелеон! – в один голос выдохнули Гуров и Крячко.

– Верно, друзья. Хамелеон взялся за старое. Так что грузитесь в машину, и чтобы через четыре часа были у меня.

Из трубки зазвучали короткие гудки, генерал бросил трубку.

– Хороший поворотец, – хмыкнул Стас. – Что с парнишкой делать будем?

– Забросим следователю, пусть он с ним поработает, – ответил Гуров. – А сами на ковер к боссу.

Дом Ларри Кобышевски находился в заурядном поселке Наро-Фоминского района под названием Акишево. Население меньше полусотни человек, от Москвы – сотня километров. Получив вводную от генерала, полковники направились напрямиком в Акишево.

– Кто бы мог подумать, что состоятельные люди, вроде Кобышевски, станут селиться в такой глуши, – ворчал Крячко, выгружаясь из машины в захолустной деревеньке. – Неудивительно, что его драгоценную коллекцию тиснули. Он бы еще в шалаше поселился.

– Возможно, на это и был расчет, – возразил Гуров. – Никому и в голову не придет искать в задрипанной деревушке сокровища.

– Сколько, говоришь, стоят эти печати? – Крячко оценивающим взглядом окинул ничем не примечательный одноэтажный домишко, возле которого остановилась машина.

– Точной стоимости никто не называет, но нулей там никак не меньше шести. Причем исчисляется цена в долларах, – ответил Лев.

– И кому в голову придет платить бешеные «бабки» за какие-то старые печати?

– Не какие-то, а старинные. Их происхождение идет чуть ли не с пятнадцатого века. Старинные печати из яшмы с изображением русских царей и князей – это тебе не чеканка Гознака. Их историческая ценность неоспорима.

– А ты, я вижу, в поклонники старины записался? – съязвил Стас.

– Хватит ворчать, пошли в дом. Познакомимся с владельцем коллекции, – оборвал друга Гуров.

Заслышав шаги, хозяин выскочил на крыльцо и яростно замахал руками, подзывая полковников к себе.

– Сюда, сюда! – прокричал он через весь двор. – Скорее, что вы медлите?!

Гуров и Крячко переглянулись, беспокойство Кобышевски показалось им наигранным. Никто ведь не умирал, а они не «Скорая помощь», так чего ради их торопить? Следом за ограбленным хозяином на крыльцо вышел мужчина в форме с погонами капитана.

– Вас из Главка прислали? – поинтересовался он и, получив утвердительный ответ, облегченно вздохнул: – Проходите, мы вас ждали.

Вид у капитана был измотанный. Он отстегнул галстук, и тот, точно увядший первоцвет, болтался на зажиме. Волосы взъерошенные, взгляд потухший.

– Что с ним тут делали? – прошептал Стас на ухо Гурову. – Через соковыжималку пропустили, что ли?

– Капитан Твердов, – пожимая руку Гурову, представился капитан. – Выехал на место происшествия, как только поступил сигнал.

– Вижу, работенка вам досталась не из легких, – в свою очередь, пожимая руку капитану, пошутил Крячко.

– Пообщаетесь с потерпевшим минут сорок, сами так выглядеть будете, – так, чтобы не услышал хозяин дома, прошептал капитан. – Он нам весь мозг еще часа три назад вынес. Теперь остатки догребает.

– Все действительно так плохо? – спросил Лев.

– И даже хуже, – подтвердил капитан. – Посмотрите на моих ребят, они вообще в про-страции.

И тут в разговор вступил Ларри Кобышевски. При первых же сказанных им словах полковники прониклись сочувствием и к капитану, и к его команде. Голос у Кобышевски оказался препротивнейшим: высокий фальцет с присвистом, от такого голоса в два счета уши закладывает. Но это было не самое неприятное. Добивало то, что, начав говорить, Кобышевски не мог остановиться. Он излагал свои мысли, предположения и теории со сверхзвуковой скоростью, отчего слова его сливались в непрерывный поток.

– Точно турбодизель высокочастотный запустили, – шепнул Крячко, отодвигаясь подальше от пострадавшего.

– Трагедия! Ужасающая трагедия для всего мирового сообщества! Вы это понимаете, товарищи полицейские? Невероятная трагедия! Я бы даже сказал, катастрофа мирового масштаба. Мое детище, моя драгоценная коллекция – похищена! Что вы собираетесь предпринять по этому поводу? Говорите мне все. Не стесняйтесь и не жалейте меня, я все выдержу. Только начните что-то делать. Ведь с каждой минутой коллекция уходит все дальше. Мы не можем этого допустить! Мы обязаны ее вернуть. Ради мирового сообщества. Вы это понимаете?

– Гражданин Кобышевски. – Тяжелая рука Гурова легла на плечо Ларри, отчего тот, хилый мужичонка килограммов пятидесяти веса, согнулся в коленях и вынужден был сделать глубокий вдох, что дало Льву секундную фору. – Сейчас вы помолчите, а я пообщаюсь с коллегами. Это понятно?

– Да, я понял. Вам нужно выяснить обстоятельства ограбления. – Пауза закончилась, и словесный поток понесся снова. – Но лучше меня вам никто не расскажет, как все случилось. Видите ли, этих господ не было здесь, когда я обнаружил пропажу. Я сразу понял, что меня ограбили. Этого просто невозможно было не понять. Я ведь живу здесь всю жизнь. И коллекция эта хранится у меня уже более десяти лет. Никто о ней не знал. Никто не мог предположить, что скромный архивариус владеет таким сокровищем. Так как же, скажите на милость, грабители смогли вычислить местонахождение данной коллекции? Мистика! Фантастика! Я до сих пор нахожусь в некотором шоке. И ведь ничто не предвещало беды! Ничто!

– Долго он так может? – наклонившись к Твердову, спросил Крячко.

– Пять часов, двадцать две минуты и сорок секунд, – глядя на часы, отсчитал капитан. – Ровно столько мы здесь находимся.

– Похоже, вам медали пора выдавать, – сочувственно проговорил Стас. – Ничего, скоро это закончится. Полковник Гуров и не с такими справлялся.

Но остановить Ларри оказалось не так-то просто. Добрых пять минут Гуров терпеливо ждал, давая возможность потерпевшему выговориться. Когда же он понял, что дожидаться паузы нереально, он начал предпринимать попытки задать наводящие вопросы. Но это возымело обратный эффект. Чем больше вопросов слышал Ларри, тем интенсивнее становился словесный поток. В конце концов Гуров перевел полный отчаяния взгляд на Крячко, и тот, снисходительно улыбнувшись, соблаговолил вмешаться.

– Молча-а-ать! – грозно зарычал Станислав.

От его окрика вздрогнули даже бывалые опера, давным-давно завершившие свою работу и ожидающие команды капитана к отъезду. Ларри захлебнулся собственной речью и испуганно воззрился на него. А он вышел вперед и, чеканя каждое слово, произнес более спокойным голосом:

– С этой минуты вы будете говорить только тогда, когда я вам позволю. Отвечать на вопросы короткими фразами. Не более трех слов. Кивните, если поняли.

Ларри послушно кивнул. Крячко победно оглядел собравшихся и весело спросил:

– Вам понятно, кто здесь лучший в мире укротитель словоблудников? – Затем добавил, театрально поклонившись: – Приступайте, полковник, клиент созрел.

Ларри Кобышевски не подвел. За все время, что Гурову и Крячко пришлось провести в его доме, он больше ни разу, как говорится, «не слетел на свою волну». Все его ответы звучали четко и кратко. А ситуация оказалась весьма интересной. Коллекция раритетных печатей хранилась у Кобышевски более десяти лет. Дом в Акишево достался ему по наследству от какого-то троюродного дядюшки два года назад, и Кобышевски, будучи невероятно скупым во всем, что не касалось раритетных исторических артефактов, посчитал вполне приемлемым такое жилье. Свою квартиру в Москве он продал и переехал в акишевскую глухомань. На деньги, вырученные за квартиру, оборудовал в доме несгораемую комнату для хранения своих «уникальностей», как ласково именовал он предметы коллекции.

Комната оборудована была по уму, с этим спорить никто бы не стал. Стены обшили сталью в десять миллиметров толщиной. Дверь, сделанная на заказ, имела пять уровней защиты, включая электронный замок-невидимку, не имеющий внешней части и управляемый с помощью дистанционного пульта и биометрических параметров владельца. В этой комнате хранилось множество экспонатов, но самой внушительной являлась коллекция овальных печатей из яшмы.

Ларри Кобышевски имел удаленную работу. Он подрабатывал в госучреждениях Москвы в качестве архивариуса. Работа, не требующая творческих данных, довольно нудная, но в правильном месте весьма недурно оплачиваемая и к тому же имеющая свои преимущества: Ларри не требовалось выходить из дома, чтобы выполнять свой объем работы. Он принимал документы по электронной почте, обрабатывал их по определенным критериям и вносил в архив. В случае поступления запроса в госучреждение его перенаправляли Ларри, а он в кратчайшие сроки находил нужный документ и отправлял данные обратно в учреждение. Личное присутствие в конторе требовалось всего два дня в месяц – десятого и двадцать пятого числа. В эти дни Ларри выезжал в Москву на ранней электричке и возвращался с последней. Последние два года график не менялся ни разу.

Но сегодня этот график был нарушен. В двенадцать часов пополудни Ларри пришел электронный запрос, на который он отправил ответ. Это заняло не более десяти минут, и он уже собрался отобедать, как внезапно запищало оповещение. На электронную почту пришло разгромное письмо: требуемый запрос забраковали, а самого Ларри вызвали на ковер к начальству. Немедленно! Аргументировали это требование тем, что небрежность в его работе привела к серьезному конфликту с клиентом. Решить вопрос необходимо было безотлагательно, и Ларри вынужден был подчиниться.

Несмотря на новомодные примочки, коими он оборудовал хранилище, Ларри никогда не оставлял дом без присмотра. Уезжая в город, вызывал соседа, пчеловода Николая, чтобы тот следил за домом. Электроника хорошо, а живая душа в доме всегда лучше. В этот раз он поступил так же. Николай занял место хозяина, окопавшись перед телевизором в гостиной, а сам Ларри отправился в город.

Он дошел до железнодорожной станции, благо электрички до Москвы ходили каждые полчаса. Приехав на место, сразу обратился к начальнику, который был весьма удивлен заявлением своего сотрудника. Он заверил Ларри, что его работа безупречна и никаких нареканий ни сегодня, ни ранее не вызывала. Тогда Ларри решил, что сам что-то неверно понял, и отправился в обратный путь. Дорога туда и обратно заняла больше трех часов. Если быть точным, три часа двадцать семь минут. Войдя в дом, он не обнаружил Николая на привычном месте. Диван был пуст, хотя телевизор продолжал работать. Ларри подумал, что Николай отлучился к своим пчелам. Раньше такого не случалось, но и внезапных отъездов у Ларри тоже не было.

Поворчав на недобросовестность помощника, он пошел греть еду, так как пообедать ему не удалось. С Николаем можно разобраться позже, тем более что дверь хранилища была закрыта и выглядела нетронутой. Заглотив два половника супа и котлету с макаронами, Ларри начал звонить соседу. Он удивился, когда услышал звук телефонного рингтона, доносящийся из хранилища. Только тогда мозг пронзила страшная мысль: он не ошибся, письмо, очерняющее его работу, пришло не случайно, и Николай никуда не уходил. Ларри понял, что его ограбили. Открыв дверь хранилища, он обнаружил там своего соседа. Во лбу помощника чернела аккуратная дырочка, а полка, на которой покоилась коллекция печатей из яшмы, опустела. Не теряя ни секунды, Ларри схватился за телефон и вызвал полицию.

Допросив Кобышевски, Гуров передал его на попечение одному из подчиненных капитана Твердова, сам же уединился с ним на кухне для разговора. Доклад Твердова был весьма кратким. Прибыв на место происшествия, сотрудники полиции развили активную деятельность. В первую очередь осмотрели труп. Следов насилия не обнаружили, но определили, что убит он был до того, как попал в хранилище. Стреляную гильзу нашли во дворе. По всей видимости, Николай встретил незваных гостей на крыльце. Только разговаривать с ним никто не стал. Пуля в лоб, и весь разговор. Затем, уже мертвого, его перенесли в хранилище. Дверь открыли с помощью электронных примочек. Биометрические параметры оказались сбиты, электроника вышла из строя, как и все пять уровней защиты.

– Что удалось выяснить по поводу письма, которым Ларри выманили из дома? – спросил Гуров.

– Адрес электронной почты, с которой было отправлено ложное письмо, принадлежал госучреждению, ее попросту взломали и воспользовались по назначению, – отчитался Твердов. – Наши специалисты сейчас пытаются отследить, с какого IP-адреса был отправлен запрос, но вряд ли это удастся. Работали профи, а они знают, как замечать следы в Интернете.

– Что дал опрос соседей?

– Да ничего. Машины к дому Ларри не подъезжали, незнакомцы по деревне не шастали. Глухо, – вздохнул капитан. – Тут и соседей-то кот наплакал, опрашивать практически некого.

– На железнодорожную станцию кого-нибудь посылали?

– Нет, – удивился Твердов. – На станцию-то зачем? Думаете, они приехали на электричке?

– Ларри уезжал на электричке, – напомнил Лев. – Те, кто собирался обчистить его дом, должны были убедиться, что он сел в вагон, иначе не смогли бы так свободно действовать.

– Виноват, этот аспект упустил из виду, – признался Твердов.

– Ничего, мы с Крячко доработаем, – успокоил его Гуров. – Что еще можете сказать относительно этого ограбления?

– Странно все это, слишком сложно для простых грабителей. Взломать электронную почту, отследить отъезд хозяина, возиться со всей этой электронной ерундой, которой напичкана дверь, а взять всего лишь какие-то печати. Почему они не забрали все?

– У Ларри в хранилище есть более ценные предметы?

– Может, и не настолько ценные, но ведь и не копеечные. Вы сами посмотрите: там и вазы какие-то фарфоровые, наверняка времен Тюдора или кого-то подобного, и коллекция редких монет, и еще целая куча всего. Ларри за то время, что мы в доме пробыли, все уши прожужжал, какие ценности хранятся в его доме. Настоящие раритеты, штучный экземпляр.

– В том-то и проблема, что штучный, – заметил Лев. – Это золотые побрякушки из ювелирки сбыть легко, а такие вещи, как тюдоровские вазы, продать непросто. Как только такая вещь пропадает, она сразу по всем аукционам в «черный» список вносится. И куда тогда с этой вазой соваться?

– Так вы считаете, что ограбление было заказным? То есть воры проникли в дом Ларри именно ради печатей?

– Как правило, так и бывает. Кто-то заказал эксклюзивную вещь и готов платить за нее, заранее зная, что не сможет хвастаться приобретением перед друзьями и родственниками. Подобных чудиков не так мало, как может показаться.

– Не повезло вам, – искренне посочувствовал Твердов. – Раз коллекция украдена под заказ, она нигде и никогда не всплывет. Здесь тоже зацепок никаких, даже начать не с чего.

– Ничего, разберемся, – заверил Гуров. – Ваши криминалисты закончили?

– Давно.

– Тогда не буду вас задерживать. Пусть все отчеты направляют на Петровку. Поторопите их, капитан. Нам фора во времени пригодится.

– Удачи, товарищ полковник! – Твердов козырнул и пошел собирать команду.

Гуров и Крячко задержались ненадолго: повторно осмотрели хранилище, задали пар тройку дополнительных вопросов Ларри и решили сворачиваться. Наутро им предстояло вернуться. В полночь опрос соседей проводить не станешь, да и на станции искать кого-то, кто днем мог видеть Ларри, и тех, кто бы за ним наблюдал, среди ночи не с руки. Поэтому оба полковника единодушно решили отложить дела на следующий день.

Поняв, что скоро останется один, Ларри впал в состояние, близкое к истерическому. Он ухватил Гурова за рукав и ни в какую не хотел отпускать. Оставаться в доме одному ему было страшно. Из сумбурных обрывков фраз, которые тот выпаливал с невероятной скоростью,

Гурову так и не удалось понять, чего тот боится больше: того, что воры вернуться, или что его коллекция лишилась защиты в виде уникальной электронной системы. Он пытался убедить потерпевшего, что в эту ночь нашествие воров ему не грозит, напоминал про снаряд, который дважды в одну воронку не падает, приводил еще сотню веских аргументов, но Ларри ничего не слышал. Он все твердил, что не может остаться в доме один, и они, сотрудники полиции, никак не могут его бросить.

К уговорам подключился Крячко, но и это не помогло. В итоге полковникам пришлось изменить решение. Они остались с Ларри, рассудив, что тратить драгоценные часы на дорогу до Москвы и обратно довольно глупо. Тем более что хозяин сам предложил ночлег. Только после этого Ларри успокоился. Не прошло и двух минут, как он завалился на кровать и мгновенно уснул. Гуров и Крячко еще какое-то время перебирали факты и улики нового дела, но вскоре последовали примеру хозяина и, разместившись кое-как на узком диване, отключились до утра.

Глава 6

Наутро оба полковника проснулись с головной болью и ломотой в суставах. Сон на неудобном узком диване не пошел им на пользу. Сожаление о принятом накануне решении остаться на ночь в доме Кобышевски пришло слишком поздно. Зато хозяин дома был явно доволен. Ровно в шесть утра он разбудил постояльцев звоном посуды и веселым пением. Разбивая яйца над чугунной сковородкой, Ларри вполголоса напевал бодрый марш.

Увидев, что гости проснулись, он со смущенной улыбкой на губах объяснил, что в трудные минуты ему всегда помогает пение песен предков, а единственной песней, которую он помнил, был национальный гимн поляков, дошедший до современников чуть ли не из восемнадцатого века. Потчuya гостей яичницей и крепким пахучим чаем, Ларри заявил, что ночью ему было видение, означавшее, что полиция непременно найдет его пропажу. Глядя на его довольное лицо, легко можно было поверить в то, что он искренне верит в ночные видения и их магическую силу.

Разубеждать его ни Гуров, ни Крячко не решились. Мало ли? Впадет снова в отчаяние и не выпустит их из дома. Пусть уж лучше остается довольным и распевает польский гимн, пока полковники ведут расследование. Сами же они ничуть не сомневались, что передача украденных раритетов произошла вчера, и отыскать их удастся только в том случае, если повезет взять преступников, но не просто взять, а еще и расколоть.

Подкрепившись и поблагодарив Ларри за гостеприимство, Гуров и Крячко отправились опрашивать соседей, предварительно получив заверения потерпевшего в том, что в Акишево привыкли вставать с первыми петухами. Ранний визит никого не смутит, даже напротив, покажется весьма своевременным. Вот в полдень, когда, освободившись от хозяйственных забот, сельские жители решат вздремнуть часок в уютной спальне или во дворе под яблоней, приход незнакомцев мало кого обрадует.

В первом же дворе полковники убедились в правдивости этих слов. Странного вида мужичок в вязаном жилете на голое тело и с цветастым платком на голове радушно распахнул калитку, как только Гуров и Крячко к ней приблизились.

– Утречко добренько! – слащавым голосом пропел он. – Вижу, вы от Ларрика? А я сосед евойный, дядя Гриша. Проходите, господа хорошие, проходите. Наверняка у вас вопросов накопилось. Горе-то какое у Ларрика, какое горе!

Дядя Гриша, выражая притворное сочувствие, сокрушенно закачал головой, а сам тем временем косился на калитку соседа. Было видно, что ему до смерти охота поглазеть на самого потерпевшего, но по какой-то причине явиться к Ларри с визитом вежливости он не решался. Вот почему посланцев с места происшествия он встретил так радостно.

Свидетелем дядя Гриша оказался никчемным, а зазвал он к себе полковников не для того, чтобы поделиться информацией, а чтобы как можно больше выудить из них. Тот промежуток времени, когда в доме соседа происходили трагические события, приведшие к смерти его односельчанина, дядя Гриша мирно проспал у себя в сарае, о чем теперь жутко жалел. Кто приходил в дом Ларри, он не видел, когда ушли – тоже.

– Вот если бы Коляня закричал или еще как шумнул, я бы точно проснулся, – сокрушался дядя Гриша. – Сон у меня чуткий, это вам каждый скажет, а вот чуйка, интуиция по-вашему, никакая. Если б я только заподозрил, что в нашей глухомани такое развернется, да рази ж я спать завалился? Я бы все глазоньки проглядел, только бы не упустить этих иродов!

Поняв, что пользы от дяди Гриши не будет, Гуров и Крячко поспешили с ним распрощаться. Тратить время на пустую болтовню они не собирались. Следующий дом отстоял от дома Ларри на добрых сотню метров, жители Акишево площадь не сэкономили, предпочитая строиться на солидном удалении друг от друга. В этом дворе Гурова встретила сухонькая ста-

рушка. Она тут же заявила, что про беду Ларрика слышала, но помочь добрым полицейским ничем не может. Старуха была подслеповата и глуха на оба уха. Даже если бы во дворе Ларри взорвали бомбу, она и этого не услышала бы. Незнакомцев в деревне не встречала, а вот как Ларри бежал в сторону железнодорожной станции, помнит.

– За ним будто черти гнались, так он спешил, – сообщила старуха. – Я ему еще крикнула вдогонку, чтобы пар сбавил. Дорога у нас ухабистая, того и гляди, ноги переломаешь. И куда так гнаться? Разве что на пожар. Но ведь пожара у нас не было, верно, хлопчики?

Крячко заверил старушку, что пожара не было, после чего поинтересовался, кто помогает женщине по хозяйству, не одна же она со всем управляется? Хозяйство у старушки и правда было нехилое: три добротных сарая, из которых доносилось похрюкивание свиней и мычание коров, во дворе, кудахта, носились полсотни кур, а в аккуратном загоне нежились возле искусственного водоема пара десятков гусей. Крячко не ошибся, старуха жила не одна. Вместе с ней жил внук со своей женой, но в данный момент дома их не было, впрочем, как и вчера. Родственники старушки работали на станции, вчера заступили на сутки и вернуться должны были не раньше полудня. На всякий случай Гуров записал их имена, и на этом беседа закончилась.

Всего в Акишево стояло домов тридцать, и их обход занял часа два. Всякий раз при появлении Гурова и Крячко происходило одно и то же: сельчане, точно по написанному сценарию, сообщали, что про случай в доме Ларри слышали, но ничего подозрительного, а также посторонних в деревне не видели.

Так ни с чем на железнодорожную станцию и поехали. На станции решили разделиться. Крячко, как специалист по налаживанию контактов с местным населением, пошел на перрон обрабатывать торговков, без которых не обходится ни один самый захудалый вокзал. Гуров же отправился разыскивать родственников старухи.

Внука ее, Аркадия Погорельцева, нашел быстро, тот мел перрон, так как это входило в его прямые обязанности. Он оказался мужчиной в возрасте, на вид ему было не меньше сорока. Коренастый мужичок, с копной волос соломенного цвета и удивительно выразительными глазами. Поздоровавшись, Гуров представился, не забыв упомянуть о том, что сюда его направила родственница. При упоминании старухи Аркадий расцвел:

– Так вы у бабули были? Как она там, не скучает?

– Вся в заботах, – слегка приврав, ответил Лев. – Когда мы к ней заходили, она птицу кормила.

– Птицу? Ну, вы и заливать горазды, – рассмеялся Аркадий. – Бабуся в жизни ни за кем не ухаживала. Она небось и не знает, чем курей кормят.

– Ладно, про птицу я приврал, – развел Лев руками. – Думал, вам будет приятно услышать, что у старушки все в порядке.

– Мне и правда приятно, – признался Аркадий. – Пользы от бабули никакой, зато от ее улыбки на душе отрадно. Мы с женой лет пять как в Акишево перебрались, когда узнали, что деток у нас не будет. Супруга моя жутко расстраивалась по этому поводу, а я унывать не стал. Сказал ей: поехали в Акишево, бабуся станет нашим ребеночком. Она ведь и правда как ребенок. Радуетса любому пустяку. Купишь помадок в привокзальной забегаловке, отдашь, а ей радости на три дня. Супруга сначала ни в какую не соглашалась, но я упорный. Не люблю отступать. Раз свозил ее к бабуле, второй, а на третий супруга и растаяла, сама в Акишево запросилась. Теперь у нас хозяйство большое, и вот подработка какая-никакая нашлась.

– Рад за вас, – искренне произнес Гуров. – Только к вам меня другое дело привело.

– Слышал. – Выразительные глаза Аркадия потускнели. – Николая жалко, хороший был мужик. А какой у него мед, вы бы попробовали! Лучший в мире. За ним со всего Подмосковья в Акишево покупатели съезжались. Николай еще до качки все до килограммчика продавал.

– Откуда про Николая узнали? – удивился Лев. – Вы ведь еще в деревне не были.

– Татьяна рассказала, – объяснил Аркадий. – Она пирожками на перроне торгует, первая сюда приходит. Она и рассказала. Потом Алевтина подтянулась, она тоже из нашей деревни. Еще Гуцик, но его лучше не слушать. Пропойца, каких мало, и плетет что ни попадя, лишь бы на опохмел выпросить. Хобби у него такое, байки рассказывать. За эти байки проезжие иной раз на стаканчик ему мелочи от своих щедрот подбрасывают. Сами знаете, как в дороге скучно бывает, а Гуцик вроде как дешевое развлечение.

– Что ж, раз про ограбление вы уже слышали, разговаривать легче будет, – заметил Гуров. – Вы ведь много времени на перроне проводите, верно?

– Почти целый день, если погода хорошая, – кивнул Аркадий.

– И вчера были?

– С полудня. Моя смена начинается в двенадцать, такой уговор со станционным начальством. С утра я по хозяйству орудую, а к двенадцати приезжаю. Через день мне работать из-за супруги разрешили, она в здешней кассе работает, тоже по такому графику. Удобнее так, и в бензине экономия. Зарплаты тут мизерные, вот станционное начальство и подстраивается.

– Мой вопрос может показаться вам странным, так как вокзал – место особое, здесь посторонних так же много, как и завсегдатаев, – выслушав словоохотливого дворника, продолжил Гуров. – Но, быть может, кто-то из посетителей вокзала привлек ваше внимание? Поведение показалось странным или еще что-то?

– Думал я над этим, – без запинки заявил Аркадий. – Как узнал про Николая и про то, что дом Ларри обворовали, так сразу и начал все события вчерашнего дня в голове прокручивать. И знаете, кое-что из того, что удалось вспомнить, показалось мне весьма подозрительным. Я даже собирался дежурного полицейского, который к вокзалу приписан, озадачить своими умозаключениями. А тут вы сами ко мне пришли. Только давайте отойдем в сторонку. Вон на ту аллею, на скамеечку. Я ногам отдых дам, да и глаза мозолить нашим кумушкам лишний раз ни к чему, – добавил он, кивая в сторону торговки, которые сидели рядом вдоль стены вокзального здания и таращились на него.

Гуров понимающе улыбнулся и первым направился к аллее. Усевшись на свободную скамью, Аркадий приступил к рассказу.

Накануне днем он заступил на смену на пятнадцать минут раньше двенадцати. По хозяйству управился быстрее обычного, вот и выехали загодя. Машину, как обычно, поставил на пяточке за вокзалом, жена отправилась в кассу, а он, переодевшись в рабочую робу, взял метлу и пошел на перрон. Торговки были на месте, Гуцик, как всегда, шатался вдоль путей, поджидая поезда дальнего следования. Все как обычно, если не считать мужика в черной кожанке. Он стоял особняком чуть в стороне от вокзального строения. Лениво привалился к забору и катал в зубах сигарету. Потухшую сигарету, это было видно даже издалека. Было и еще кое-что, что привлекло внимание Аркадия. Погода в тот день сельчан баловала. Дождь наконец закончился, выглянуло солнце и припекало оно довольно ощутимо. А этот мужчина стоял в кожанке, наглухо застегнутой на все пуговицы, и на глазах темные очки. Прямо как шпион.

Около половины первого на станцию прибежал Ларри. Он сильно торопился, поэтому Аркадий с ним не разговаривал. Видел, как тот заскочил в здание вокзала, видимо, билет купил. И едва успел на ближайшую электричку. Как только Ларри вошел в вагон и двери за ним закрылись, мужик в кожанке оторвался от забора, выплюнул сигарету и быстрым шагом двинулся на вокзальную площадь. Аркадию стало интересно, куда так спешит мужчина, похожий на шпиона, он решил последовать за ним и увидел, как тот садится в дорогой автомобиль. Этот автомобиль Аркадий приметил еще тогда, когда свою допотопную колымагу парковал. Красавец «Ленд Ровер» вызывал восхищение и зависть. Как такой не заметишь? Окна машины были сплошь тонированы, даже лобовое, Аркадий и предположить не мог, что внутри кто-то есть. Но мужчина в кожанке сел не за руль, а на заднее сиденье, после чего автомобиль завелся и поехал в сторону Акишево.

Справившись с текущими заботами, Аркадий снова взялся за метлу. Потом перешел на вокзальную площадь и занялся кустами, требующими обрезки. Кусты подрезал часов до трех. В какой-то момент ему показалось, что он снова увидел тонированный «Ленд Ровер», тот проскочил по дороге мимо вокзала на большой скорости. Но утверждать, что это была та самая машина, Аркадий не мог.

А потом вернулся Ларри. Аркадию показалось, что он чем-то расстроен, поэтому и в этот раз подходить к нему не стал. До деревни тот пошел пешком, благо недалеко. В четыре часа Аркадий сделал перерыв, ушел в рабочую бытовку подкрепиться. После этого снова взялся за дела и занимался обрезкой кустов и уборкой перрона до десяти вечера. Ночь переночевал в бытовке, а наутро узнал от торговки Татьяны, что в деревне случилась беда.

– Номера «Ленд Ровера» случайно не запомнили? – на всякий случай спросил Лев.

– Какое там! Я и не смотрел на них. Регион вроде московский, но и это не факт, – виновато потупился Аркадий. – Кто ж знал, что так все обернется?

– Да, плохи дела, – согласился Лев. – Искать тонированный «Ленд Ровер» черного цвета в Москве, все равно что каплю воды в озере.

– Может, в Верее его видели?

– В Верее?

– Городок соседний, – пояснил Аркадий. – От Акишево, куда бы ни направлялся, мимо Вереи не проедешь, дорога тут одна.

– Спасибо за подсказку, – поблагодарил Гуров. – И за рассказ. Если еще что-то вспомните, обязательно позвоните.

Он продиктовал номер своего мобильного, Аркадий старательно внес его в записную книжку старенького телефона. Распровавшись с дворником, Лев решил на всякий случай заглянуть к его жене, но тут на горизонте появился Крячко. Лицо у него было довольное, как у кота, слизавшего литровую банку сметаны.

– Давай найдем укромный уголок, Лева, – предложил Стас. – Думаю, нам есть что обсудить.

Они вернулись на аллею, где несколько минут назад Гуров беседовал с Аркадием. По дороге Крячко прихватил бутылку минеральной воды, так как от долгих разговоров с торговками у него пересохло во рту. Отхлебнув приличный глоток, он принялся выкладывать новости. Сведения о незнакомце в кожаном пиджаке подтвердили и торговки, добавив, что у забора он стоял довольно долго, не меньше часа, а когда одна из них предложила купить пирожки, он довольно грубо ее отшил. Такого торговки не прощают, и теперь у Стаса имелся точный словесный портрет мужика в кожанке.

Торговки запомнили, что «охламон», как они называли мужика в кожанке, пропустил две электрички до Москвы. Всякий раз при приближении электрички он менял положение так, чтобы видеть весь перрон, а когда электричка отходила, снова принимал расслабленную позу. Между собой женщины успели посудачить на эту тему, мол, чего ради «охламон» стоял у забора и пристально осматривал перрон?

Сперва они думали, что тот собирается уехать, но когда первая электричка отошла, а он остался на месте, версия изменилась. Тетки решили, что этот грубиян все же не настолько безнадежен и сейчас ждет свою подругу, которая по какой-то причине задерживается. Охочие до романтических трагедий торговки даже некоторое время сочувствовали «охламону». Вот ведь, стоит один, как сиротиночка, ждет свою пассию, а она все не едет. Неудивительно, что он нахамил одной из них. Но после третьей электрички, когда «охламон», проводив долгим взглядом скорый поезд, развернулся и чуть ли не бегом помчался на привокзальную площадь, сочувствие торговки тут же улетучилось. Да как он мог так поступить с несчастной девушкой?! Пусть она и задержалась, он не должен был уходить. Ждать до победного конца, вот как должен поступать настоящий мужчина. Да что с него возьмешь? Охламон, он и есть охламон.

Ларри они тоже видели. Татьяна, торговка, что первой рассказала Аркадию деревенские новости, даже пыталась с ним заговорить, но Ларри повел себя ничуть не лучше незнакомца в кожанке. Он грубо оборвал приветствие, пробормотав что-то о неотложных делах, отказался прикупить в дорогу пирожков, запрыгнул в электричку и укатил. Вернулся ничуть не повеселевшим, и на этот раз Татьяна его не останавливала.

Новости торговки особо Гурова не заинтересовали, все это он уже слышал от Аркадия, но, как оказалось, самое интересное Крячко припас напоследок. После беседы с торговками он наткнулся на бесцельно шатающегося местного пьянчугу Гуцика. Бутылка дешевого пива из привокзального ларька развязала пьянчуге язык, и он поделился со Стасом весьма интересной информацией.

Шикарный «Ленд Ровер» с тонированными стеклами Гуцик заметил сразу, как только тот припарковался возле вокзала. Почуввав богатую добычу, он пристроился возле машины, поджидая, пока хозяин высунется наружу. Когда дверь «Ленд Ровера» открылась, он успел заметить, что салон буквально набит людьми, однако из машины вышел только один человек – тот самый «охламон» в кожанке. Его Гуцик тут же сбросил со счетов, уж больно вид у него был суровый. От такого не мелочи на выпивку, а хорошей оплеухи только и дождешься.

Гуцик остался возле машины, полагая, что тем, кто внутри, не захочется задыхаться в душном салоне, когда на улице такая прекрасная погода. Но шло время, а из салона никто не выходил. Тогда он решил предложить господам из «Ленд Ровера» свои услуги. Подошел к автомобилю со стороны пассажирского сиденья и решительно постучал в окно. На его стук никак не отреагировали, и Гуцик довольно громко предложил господам стонять в буфет за минералкой, за чисто символическую плату.

Видимо, жажда пассажиров «Ленд Ровера» все же мучила, так как стекло пассажирской дверцы поползло вниз. Из салона вылезла рука в обрамлении дорогих наручных часов. В руке красовалась светло-фиолетовая бумажка с изображением Петра Великого. У Гуцика от радости аж руки затряслись. Еще бы, целая «пятихатка», на такой улов он даже не рассчитывал. Выхватив купюру из волосатой руки, пока хозяин купюры не успел передумать, Гуцик начал низко кланяться, заверяя «щедрого господина» в своей преданности. Тот велел принести «Боржоми» или «Нарзан», что-то поприличнее, в стекле. Сдачу позволено было оставить себе.

Гуцик еще ниже склонился и чуть ли не облобызал руку дающего. Тот нервно отдернул ее, видно, боялся, что слюна пьянчуги может быть отравленной. Гуцик помчался в буфет. Купил две бутылки минеральной воды, себе бутылочку «красненькой» и вернулся к машине. Стекло у пассажирского сиденья оставалось открытым. Он передал бутылки «благодетелю» и поинтересовался, не требуется ли еще какая-то помощь. Его грубо отшили, и Гуцик вернулся на исходную позицию позади автомобиля, смакуя полученный презент.

Сидя там, он кое-что услышал. Еще в первый раз, когда кланялся, выражая благодарность, Гуцик успел заметить, что на заднем сиденье авто сидели двое: один у окна, второй по центру. Тот, что по центру, показался Гуцику каким-то жалким – то ли испуганным, то ли озабоченным. И еще его глаз уловил некий контраст. Машина выглядела дорого, часы на руке дающего еще дороже, а этот человек был одет, как самый настоящий бомж. Линялая футболка с выцветшей картинкой на груди, а поверх футболки бабушкина душегрейка, старомодная жилетка ядовито-зеленого цвета. Нижнюю часть гардероба разглядеть не удалось, но это точно были не брюки от модного кутюрье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.